

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ*

ПЕРЕПИСКА А. РЕМИЗОВА С С. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО

Подготовка текста и комментарий
А. Д'АМЕЛИЯ

ПЕТЕРБУРГ

Саперный 10. Редакция "Вопросы жизни", 5-ый этаж.

Во второй раз С. П. повезла Наташу в Берестовец. В первый раз на все лето с тем, чтобы вернуть ее к осени в Петербург. Но это будет начало оставить ее навсегда.

Редакционная жизнь в "Вопросах жизни".¹ Мои занятия в конторе и по хозяйству берут все мое время: я только поправляю старое, но нового ничего не пишу. Встречи и знакомства. Собрания. Чаще поминаемые люди: Н. А. Бердяев, П. Е. Щеголев [Вологодское продолжение]. А из новых: Вя. Иванов, Мережковские, Сологуб, Чулков, Леонид Семенов, Волжский, Жуковский, Штильман.

Каляев перед смертной казнью.²

Безобразия: "Стокгольмский корреспондент".

1905-1906 гг. в "Кукхе" (Розановы письма).

Петербург 1905 20-21 апр. по Бубуничкину календарнику

Сажу в нашей комнате на Бубуничкином месте и волнуюсь. Так целый день, как вернулся с вокзала (извозчик 40 к!). Мне все представляется долгая, бесконечно-длинная дорога, душный вагон. Натуся плачет, молоко скислось, ты измученная

сердишься на Ганну и от утомления сама готова плакать. А дороге и конца не видно, еще и до Вилейки не доехали.

25' 9-го вечер

И я мучаюсь за вас, а где-то и утешаюсь и знаешь чем? — я заметил, что там, где ждешь неудачи и всякого мытарства, всегда бывает и удача и легкость. Правда это или нет, а хотелось бы, чтобы было, чтобы было по-моему.

А еще меня тревожит: приедешь — а дома не ладно, обойдут и встретят не так, не по твоему и вот тут-то и встает передо мной долгая, бесконечно-длинная дорога и прожигающий едкий укор, нет, не себе и тебя вижу, не мне, а кому же? Это зачем и за что?

Господи, если бы этого не было!

[С. П. повезла Наташу в Берестовец не охотой, а неволей].³

Не могу писать, как бы хотелось — мысль высказывается только, когда свободна, а я, глядя на часы, говорю себе: еще нет 9-и, еще до Вилейки не доехали, а ну-как молоко скисло? Нет, нет, будет все хорошо. И повторяю, веря и вызывая "хорошо" и вместе глуша другие едкие мысли.

Вот так только я и могу молиться. Моя молитва: жарко хотеть и, хотя, из самого нутра просить: "да будет так". Я ни на кого не гляжу и никого не вижу, — в дымящуюся тьму, в безмерную зазвездную глубь ныряют мои слова — от моего жара раскалены острейшие "хочу".

А ты, молясь, видишь и осязаешь. Твоя молитва предметная и собранная, как вылитая, в твоих словах и сила и власть. Ты подымаешь духом к чему-то ближе и выше, я это чувствую. И когда станешь молиться — молитва твоя "дойдет". Что-то переменит или поправит. Даже в этой моей зазвездной пучинной, для меня слепой, непреклонности — в "Судьбе".⁴

Твое "слово" поняла Гиппиус,⁵ мне чужая, а эта бессильная дрябедень Мережковский, вот уж незадача русской мысли! — выстеклянивая слова, просит тебя "помолиться".

Вернулись из Москвы Чулковы. Он написал много стихов. Мечтает в будущем не жить в редакции.⁶ мешает "творить" (ну и дурак!). А пожалуй, это и хорошо, если редакция долговечна. Приходил Волжский⁷ — таких на картинках рисуют: "писатель на вечеринке", одна его фамилия озвучит притихшее собра-

ние: "Волжский"! он скажет "всем понятнее" бесцветными словами горькое слово о "зиме" и "ночи", но... "после зимы идет весна", а за ночью рассвет. Его очень любит Горький. Не как Мережковские, а тоже он мне чужой, но он меня принимает, ничего не понимая, по глупости.

Я все убрал, перемыл, стер пыль и переселился к Натусе. Около ее кровати особенная воркующая тишина. Прислуживает мне редакционный мальчик Тимофей — за 3 руб. На обед было маловато. Съел яйцо и колбасу уписывал, как кот.

Ты хлеб забыла и зубную щетку. Хлеб я доел, а зубную щетку спрятал, только бы не забыть, куда. Подсчитал деньги. Оказалось, израсходовал 38.88, взял себе 1.12 и записал все 40 р. — мой долг. Все равно, возьму вперед за "Пруд".

Письмо от Аркадия Зонова [Аркадий Павлович Зонов,⁸ актер в театре Мейерхольда, потом режиссер у Коммиссар-жевской].⁹ Он виделся с Диной [Дина Исааковна, познакомились в Херсоне, его будущая жена, повенчаются в Исакиевском соборе, "жених в калошах"]. Пишет что "кровавого пира" не было, выражается о себе: "мне, как молодому", значит, женится на Дуне. Мейерхольд говорил ему, что "своим письмом он меня поджиг". А мне кажется, что я за этот год далеко отошел и от Мейерхольда и от театра, от того, что я когда-то мечтал сделать для его театра.¹⁰ С тобой христуется "любящий Аркадий".

Завтра рано пойду на почту. Очень устал. Впрочем, как подумаю... долгая, бесконечно длинная дорога — без пяти 9-ть, еще и до Вилейки не доехали.

Чулковы поехали к Блокам.¹¹ А это называется "интрига" по театральному. Я все равно не поехал бы, но предложить с ними, так было бы понятно и просто.

Я никогда не сойду с человеком, который к тебе равнодушен или не любит тебя. Оттого меня и тяготит наша совместная жизнь с Чулковыми. Что может быть дальше, как этот напыщенный фордыбай и его кроткая, не далекая со сладкими усиками.¹² И их мечта жить отдельно, не в редакции, помилуй, единственное, что можно пожелать ко взаимному удовольствию.

[Вообще, с кем-нибудь жить невесело, а когда еще соседи не расположены, изводящая тягота, потому я готов на большие лишения, но чтобы сохранить право проводить ночь и день одному в своей "независимой" комнате].

Не замечая и не любя тебя, не замечают самое высшее, что только есть в мире — "непорочность", она светится из твоих глаз, твои детские глаза с их неколебимой правдой, перед которыми мучительно лгать. Люди высшего духа не пройдут мимо.

И я говорю в мир — глазам "человека" — я хочу быть с вами, а не с этой сворью — слепой, копошащейся в мелочах, с ее короткой меркой по своей ничтожной мере.

И знаешь, кто мне подсказал? — Мережковские: Гиппиус своим богатым нутром поняла, а "истукан" за ней повторил. Ты, мой бесценный ангел, хранитель мой!

А что я подумал: когда приедешь, мы вместе снимемся. Своей измученностью — я родился с крестом в глазах — я оттеню твою безбрежность.

Петербург 1905 21-22 апреля

Господи, да вы все еще едете. На месте усидеть не могу, хоть бы телеграмма поскорей!

Без десяти 6-ь (вечер) — до Бахмача еще далеко. Бубуничек мой ко сну готовится. Как-то вы?

Вкладываю письмо Марьи Никаноровны [Воронова, главная конторщица, есть у меня, тоже моя подчиненная, и еще барышня помоложе, Марья Александровна. Обе прилежные, но все делают по заученной указке, и всякое мое бухгалтерское новшество принимается ими с таким упором, что мне, в ущерб делу, приходится только отмахиваться: делайте, как знаете, Но вообще живем ладно. Много и смеху. Марья Александровна, например, убеждена, что мой "Пруд" — перевод с немецкого].¹³ Очень проголодался, стали мы кофе пить, "разыгралось воображение", я и подстроил написать тебе письмо. Обрати внимание на стиль коммерческих писем: "настоящим уведомляю вас", хорош и конец: "пишите НАМ". Перед Жуковским¹⁴

они трепещут: "хозяин", Чулкова, секретарь, боятся, а меня, как знаешь, нет. И это хорошо.

Написал Виктору-Иде¹⁵ о шарфике для Натули и о книгах. Напишу Мейерхольду. Были Щеголевы П<авел> Е<лисеевич>¹⁶ и Вал<ентина> Анд<реевна>;¹⁷ по просьбе Щеголева помяну Мейерхольду о Вал. Анд. [Щеголева, харьковская, актриса, познакомился в Вологде в театре]. Послал телеграмму Мейерхольду, прислать цензурованный экз<емпляр> "Для счастья".¹⁸ Написал Саблину:¹⁹ спрашиваю, считает ли он изданную им пьесу "Для счастья" нашей собственностью, как переводчиков? Все это необходимо, чтобы послать в Москву в Малый Театр и цензурованный и простой экземпляры.

Письмо от заведующего репертуаром Императорских> Театров (Москва): в Малом Театре в сезон 1905-1906 хотят ставить "Для счастья" в нашем переводе. Если Саблин ответит отрицательно, то цензурованный Мейерхольдовский экземпляр ты перепишешь на машине и мы пошлем в Москву. Там такое правило, чтобы формально одобрил Совет, — на этот Совет и адресуем. Надо только сделать поправки. Завтра утром буду в Союзе Драм<атических> Писателей, спрошу, нельзя ли достать дубликат цензурованного экземпляра.

Постучалась Надежда Григорьевна [Чулкова]: напротив пожар. Бросился я посмотреть. Ни огня, ни дыму. А суетятся. Не долго смотрел: толпа разошлась, спустился по лестнице из окна городской, а за ним пожарный. И я опять в Бубуничкиной комнате у Натусиной кровати.

Заходила Александра Михайловна [Мирэ,²⁰ писательница в роде Доманской,²¹ очень бедная, она из Парижа, а до Парижа она некоторое время жила в Марселе, занималась проституцией, о чем всегда вспоминает, как о самом дорогом, невозвратном времени]. В Бубуничкиной комнате я ей курить не позволяю. Как всегда, просила аванс. Чем мне уверить и ее и других, что я только заведующий хозяйством и авансами не распоряжаюсь, а выдаю, когда велят? Рассердилась и не рассказала обещенное о марсельских неграх и волшебном што-паре. Мне ее очень жалко.

Тимофей и Матвей вымыли стекла. Повешу занавески.

Чай пил у Чулковых. Они очень довольны, что в августе они покинут редакцию и будут жить отдельно. А нам это на-руку. Хорошо, что расстанемся с миром.

Хотел вчера написать что-нибудь на те мысли, что всплывают и, не выраженные, мучают, и не мог, не подцепляются. Принял ванну, сосчитал белье, хотел почитать что-нибудь, раскрыл книгу — и тоже не мог. Сегодня думаю заняться переводом из Марсея Швоба,²² да и "Пруд" дальше поисправить. Слышал, июнь и июль в одной книжке или май и июнь, не разобрал²³ [На редакционных собраниях я не имел права присутствовать].

Господи, как-то вы доехали! Не могу ни о чем думать отчетливо, беспокоюсь очень. И одно утешает: последний вечер в дороге и конец вашей муке.

8 ч. вечера

Написал два письма: Мейерхольду, чтобы выслал мне ценз<урованный> экз<емпляр> "Для счастья", а для чего, не говорю, а то боюсь, не придет, ведь в Малый театр одно упоминание для него, что коту на хвост; а другое А. П. Зонову, ему по правде.

Я Зонова очень полюбил, с того вечера, помнишь, в Херсоне: как он почувствовал тогда всю твою муку и заглянул в твою душу. Меня поразило и я помню, спросил себя: неужто надо с ума сойти, чтобы что-то разглядеть и увидеть, для здорового глаза скрытое или ничего особенного [А. П. Зонов — последствия его встречи в Тифлисе с египетской наездницей — хворал год, живя сумасшедшим, и оправился, только потерял свой Шаляпинский голос; до Мейерхольда он учился в Филармонии с моим братом Сергеем].

Если бы удалось с Малым Театром! Это было бы и прочно и важно для дальнейшего. Без тебя пьесу не пошлю, вместе исправим, туда надо и вычистить и выгладить и завить. А это будем делать так: ты читаешь вслух какой-нибудь перевод, а я, следя за нашим, исправляю. Потом ты перепишешь. Машину возьмем из конторы в нашу комнату. А исправлять придется легонько или в цензурованном или в Саблиновском.

Только бы Бог вам дал доехать благополучно. А как вернешься, видишь, много работы навалится. День отдохнешь, а там и засядем.

Жду Д. Е. Жуковского. Будем высчитывать деньги. О корректуре будь спокойна: остается за тобой.

Квартира редакции до 24 августа. Хорошо бы Бубуничке приехать уж на новую.

Пришел швед из Стокгольмской газеты.²⁴ Расспрашивал меня — но какая ж у меня биография, рассказывать о своей неприкаянности? А сочинять — не в ударе. И повел его к Бердяеву. Бердяеву лестно: напишут в Стокгольме. По дороге — третий этаж — не удержался и "по секрету" открыл ему о последней книге Мережковского: роман "Царь Новохудоносор". Швед записал [И впоследствии я не раз выступал с "ложной информацией", никто не сердился и только диву давались, кто и откуда?]

Петербург 1905 22-23 апреля

Такой холодище, велел печки затопить. На Неве лед прошел.

Полотеры на дворе ковры выбивали, а я сказал, что на Петропавловской крепости палят в пушку и Марья Никаноровна [конторщица] перевела часы вперед на целый час. [В Петропавловской крепости пушка в 12 ч. дня]. И ушла из конторы в 11 ч. — пошла в театр на дневной спектакль.

Письмо от А. Н. [?] прилагаю.

Вы доехали. Слава Богу — три четверти 7-го.

Я обедаю и потом пью чай с Чулковыми; а то мыть самому посуду возня. Вчера просили почитать. Я взял 2-ую главу из "Сынов земли", наш перевод, начинается: "Весна! весна!", но не сказал, что Пшибышевский. А говорят: "это из "Часов"? — Пусть будет из "Часов".

А много времени отнял у меня этот стокгольмский швед, хотя кроме "Новохудоносора", я ничего особенного не сделал. За то сегодня за обедом навестал, я рассказывал о шведских приключениях — пойдет по Петербургу! — будто швед меня принял за Сологуба и я ему свою (Сологуба) книжку подарил и

с надписью и дал разрешение на исключительный перевод. И чего-чего я не откалывал. Тут был и Волжский. Поверили. И стали меня убеждать не трогать шведа. А швед и идет. И опять я его к Бердяеву спровадил. А не принимает ли он меня и в самом деле за Сологуба?

Через час я спустился к Бердяеву [3-ий этаж]. А там Чулков читает рассказ Зайцева.²⁵ Ну, и голосок у этого Чулкова — должно быть, в Савиной консерватории с филином уроки брал, выразительного чтения. Ей Богу, самое невинное "зайцево", а жутко слушать. После чтения пили чай. Было и вино. Шведы народ крепкий, или это от чтения, развезло шведа и стал он не в-попад гоготать и, расшвыривая руками, рассказывать — по шведски никто из нас не понимает, а, должно быть, что-то несуразное, едва остановили: я ему полон карман колбасных окусков наложил, а он в горячах полез рукой за платком и от изумления сконфузился — "Было дело под Полтавой!" — и замолчал.

Если бы ты была, я что-нибудь выкинул бы со шведом и пощипе, но как вспомню твою тягчайшую дорогу и нет никакого желания игру разыгрывать.

После шведа до 2 ч. ночи поправлял из "Пруда". Д. Е. Жуковский согласен пропустить листов пять в двойной книжке "Вопросов жизни".

День прошел — из конторы в комнату, из комнаты в редакцию, из редакции опять в контору.

Холодно. Пришлось снять сандалии, не лето!

Лезет мне в голову всякое безобразие. Хочется мне изобразить ту безобразную жизнь, какая живет под видимой приличной. Я гляжу на человека и точно раздеваю его. Марья Александровна [вторая конторщица] за нашим чаем по-пушке [12 ч.] рассказывает о "идеальной дружбе", я слушаю, и за каждым словом ее слышится мне другое. Но как, хотя бы такое, изобразить?

Исправляя "Пруд", спускал лирические высоты — как далеко я ушел от этого! Должно быть, выдерживать, у меня вынуждено, вещь не всегда годится: хочется заново писать, и по-другому, конечно.²⁶

Задумал на афоризмы Шестова ответить афоризмами же.²⁷ Давай это вместе.

А печка, кажется, погасла. Пройти проверить. А сижу я в Бубуничкиной комнате — это моя комната. Только темно в ней. Зажег электричество. А печка хорошо занялась. Какой холод — какой холод! Ладожский лед идет!²⁸ Затворил все окна, надел твою шубу — мне в пору, только ворот не сходится.

Швед спрашивал: "почему русская женщина добивается участия в парламенте?" — "почему русская женщина идет не только вровень с мужчиной, а часто его тянет за собой?" Я ему отвечал, глядя на тебя.

Вот что, займусь-ка чем-нибудь "физическим": белье пересмотрю, уложу все в порядок. А потом за "Пруд". А то согреться не могу. Ишь, настудили как, растворяя окно, ведь мне ж ночевать — в театр не дорога, а от курева у курильщика не першит.

Как то вас встретили?

Прилетели, поди, с поля всякие птицы и птички на Бубуню посмотреть. Шесть веков (с XIV в.) стоит Берестовец, ничего такого они не видели, разве что тебя, когда маленькой была с Натусю. Прилетели пичужки, прискакали лесные зайцы, глядят на Натуню, а она им рожицы — всех узнала — здравствуйте! И она их и они ее без слов понимают. А ты улыбаешься: "Счастье мое, рыбонька, птичка моя голосистая!"

10' 8-го вечер

Подал Матвей самовар. Печка истопилась. Я белье не укладывал, а на твоём столе прибирал. Не сердись, ничего не переставил, все как у тебя, тобой положено, но только ни соринки, и пыль стер. Теперь за "Пруд".

Покойной ночи! С дороги-то, чай, как устала и Натунечке тоже отдых надобен — спи, моя кысуренька, спи котанечка, спи моя!

Петербург 1905 23-24 апреля

И опять холод-холодовский, вот он какой, белый апрель! Затопил печку. Днем еще туда-сюда, а под вечер сил никаких нет.

Получил от Мережковского визитную карточку и книги "Петр и Алексей" для передачи.²⁹ Одну я стяну, скажу: "дал на отзыв Бубукину". Натуся меня поймет, кто это такой критик Бубукин. А ты улыбаешься. А те сухари и улыбнуться не могут, а только щерятся.

Заходила утром З. Н. Гиппиус за гонораром. Сердится, а что я могу сделать: Жуковский говорит, что 15-го мая, а у меня в его же письме: "в конце недели". И не могу я без разрешения. В последний раз подсчитывали — за 20.000 идет — ухлопали за четыре месяца! Жуковский огорчается, а Мережковские — и до чего они до денег жадные: З. Н. Гиппиус просто готова горло перегрызть. А главное, не Мирзэ, ну, зачем им?

Сегодня день неприсутственный. А я бегаю из комнаты в комнату. Подбивал Д. Е. Жуковского: "прокатите меня на лихаче!" Не согласен. А бегать я из комнаты в комнату согласен? Разве что от холода сам в лихача обернешься, да я уж обернулся.

Завтра в редакции устраивается вечер с Денисевицами [Анна Яковлевна мать и две барышни дочери. Одна из них — Анна Ильинишна впоследствии вышла замуж за Леонида Андреева.³⁰ Не помню, в которую был влюблен Д. Е. Жуковский, кажется, в другую — помоложе, Виктория. Кроме осмотра имений, но не покупать, была у него еще страсть: жениться, но без окончательного решения.³¹ Добрый, добродушный, только очень богатый и это портило ему — не решительный человек, хорошего мало, всегда канительщик, себе — в скуку, а другому — надоедливо]. Будет Григорий Николаевич Штильман³² ["Внутреннее обозрение" в "Вопросах жизни", чудесный человек и большой наш друг, обожавший С. П-ну]. Ждем и Вя. И. Иванова. Жаль, ты не увидишь. Впрочем, он проживет в Петербурге с неделю.³³

Мне поручено купить: паску (по нашему), кулич, джинжир и всяких лакомств, орехов, фиников, пастилы. Предлагал Надежде Григорьевне, отказалась. Боюсь перехватить — глаза разбегутся. И еще обсчитают. Не ограничится ли вином без джинжира?

Чулков говорит, пока есть возможность, печатать "В плену" сейчас же после "Пруда".³⁴ А то кончится журнал, куда мне итти? Никуда не ткнешься! Уж очень люты обо мне отзывы в газетах и везде упрек редакции, что печатают. И как меня еще терпит и Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков?³⁵

Под впечатлением разговора с Чулковым взялся за "В плену" и переписал половину I-ой части. И опять, как с "Прудом" — в который раз переписываю и не так, не то написалось бы теперь. Хотел переводить Швоба, зовут в редакцию.

четверть 9-го вечера

Ты пошла к Лидии Антоновне Борейко³⁶ [подруга С. П. — Лида Боровая в "Оле"]. И у тебя тяжелая дума: скоро тебе с Бубунечкой расставаться. Послушай меня, тут Натуся здоровенькой не станет, ишь, холода какие! Пусть проживет лето, а на осень домой. [Когда я писал, я чувствовал, что на шее — петля, но что я мог написать?].

20' 11 ч. вечера

Заходила А. М. Мирэ. Начала о неграх, а кончила авансом. Не имею права, а подумал и дал ей из кассы 25 руб. Только нельзя записывать, а потом или зачислить в "переходные суммы"? Очень уж несчастная и всегда "на-веселе". Да и как же иначе?

Напал на меня голод: съел остававшийся кусочек колбасы — холодно, не портится — и 2 яйца в "мешечек". И пил чай без счету с хлебом.

Кто-то в наш дом приехал на паре важный и важно разгуживает по двору лакей в красной ливрее. Думал: "вот хорошо бы быть лакеем в красной ливрее!"

В "Пруде" дошел до очень трудного, знаешь, "Серебряная свадьба"? Придется много исправить. Прочитал твой перевод рассказа, есть непонятные места. Подожду, без тебя не буду переписывать. Впрочем, как Бог даст! Видишь, какая у меня покорность. Еще думал: если бы издать "Пруд" отдельной книжкой, и отдельно: "В плену", "Бибку", "Медведюшку", "Полуночное солнце", "Иуду", "Пожар". Пускай будут маленькие книжки, это, пожалуй, лучше, что маленькие.³⁷

Корректуры еще нет. Типография [Монтвида] хоть и начала работать, да праздник сегодня. Видел в гранках новый

рассказ Зайцева: его будет корректировать сам Георгий Иванович Чулков: говорит, рассказ первоклассный, а корректура у нас не на высоте. Это он все "Розикова" [вместо "Рожкова"] вспоминает.³⁸

Не сердись, так пусто пишу. Клонит: вчера и позавчера долго сидел. О тебе и о Бубуничке тоскую. А у меня тоска особенная: глаз не заведу. Благословляй вас Бог.

Как приедешь, давай снимемся вместе, я уже писал тебе и эту карточку Натусеньке, когда большая выростет, а еще подарим В. В. Розанову, а Мережковским не стоит: сий не взглянет, а З. Н. Гиппиус отрежет меня, исколет булавками и бросит в камин, в огонь. [В Петербурге вместе никогда не снимались, есть карточка в Киеве — любительская, С. П. хорошо, а я затемнен. Много снимались уже здесь, в Бретани. И никаких этих карточек Натуся не видала].³⁹

Петербург 1905 24 апреля воскресенье 11 ч. утра

В твоей — в нашей — комнате, Бубуничкину Тимофей подметает.

Вчера совсем уж собрался на боковую, как пришел Д. Е. Жуковский и просидел до часу. А в час швейцар подал телеграмму, что "доехали хорошо". Ну слава Богу!

Отделывал "В плену". Попросил у Д. Е. Жуковского: пишу на серой парижской карточке — очень мне понравился и формат и цвет.

Вечером буду писать, когда все разойдутся и утром заказным тебе отправлю.

От Саблина нет ответа; от Мейерхольда нет ответа. Поскорее бы, а то боюсь, не опоздать бы [экземпляры "Для счастья" в Москву, в Малый театр].

Теперь, поди, Бубуня на курочек смотрит.

Петербург 1905 24-25 апреля 20' 4-го утра

Белый рассвет, пронизанный зеленью белой ночи. Для меня всегда что-то болезненное, болотное и нечем согреться. Только что разошлись. Последним — Григорий Николаевич Штильман и музыкант, "племянник" Штильмана, Павел Львов.

6-ая Симфония Чайковского. Столько моей тоски — не к звездам, а вниз головой. Когда-то я слушал ее в Москве с Зилоти⁴⁰ и Брандуковым⁴¹ (виолончель), я ей отравлен и мне все хочется еще и еще — до последней душевной боли. Я люблю, а стало быть, можно любить последнюю боль “расставания”. Это и называется “душа исходит”.

Бедные несчастные люди, которые не слышали 6-ой Симфонии, а еще несчастнее, для которых закрыты двери в музыку, как Брюсов, как Мережковский, подлинно обездоленные.⁴²

Вяч. Иванов говорил много интересного, не все слышал, приходилось то-и-дело выбегать на кухню, и распоряжаться: я “заведующий хозяйственной частью”.

О отделении алтаря — иконостас. Как это случилось в Византии. Таинства за занавеской, за иконописной стеной: смотри, на образа, не шевелясь, и руки прочь. Соборное “действие” окончилось. В храме остались только молящиеся. Перед стеной. Действие стало мысленным и только.⁴³

Вяч. Иванов ученик Момзена (“Римские древности”), сам, как Момзен, человек “универсальный” [Таким был у нас кн. В. Ф. Одоевский, отчасти Сенковский].

Вышли “Северные Цветы” — “Ассирийские”. В редакции еще не получены. Там мое “Полуночное солнце” (Омель и Ен, Кикимора, Кутья-войсы).⁴⁴ Боюсь и заглядывать, мудрил, переписывая, себя подравнивал. Об этом разговор с Вяч. Ивановым. Он говорит, что я пишу стихи и надо писать, как у меня пишется, не под мерку, а по своему.⁴⁵ Ты знаешь в какое уныние приходил я, отрекался от себя — от своего и переправлял, чтобы свои вихры примазать, помнишь, в Одессе, сколько я уничтожал этих стихов после разговора с Брюсовым, да и раньше, в Устьсысольске, уже по своему почину.⁴⁶

[У нас еще нет культуры, нет Буало, и до сих пор, “стихи”, значит, написанное “размером” по “стихосложению”, а имя “поэт” — тем, кто стихотворствует в этом смысле. И что может быть более жалкого, как “вечер поэтов”, не слыжавших или не касавшихся “поэзии”].

О тебе он слышал восторженный отзыв З. Н. Гиппиус. Я ему показал карточку Натуси. Повторяя за Бальмонтом он в нос пропел: “она пришла в мир, чтоб видеть солнце”.

А "пасха" была чудесная. Вчера ездил с Тимофеем и к Елисееву и к Соловьеву.⁴⁷ И хозяин остался доволен, хоть на минуту и загрустил, когда я показал ему счет. И знаешь, он возил меня на лихаче на Острова. Когда ехали мимо Петропавловской крепости, я подумал о И. П. [о Иване Платоновиче Каляеве, он после убийства в <еликого> к<нязя> Сергея Александровича, перед повешением, заключен был в Петропавловской крепости]. На Елагином острове пили мадеру. А вернулись в редакцию, там ждет Владимир Анатольевич [Жданов, вологодский присяжный поверенный, бывший ссыльный, защитник Каляева].⁴⁸ Он приехал в Петербург на свидание с Ив. П. [Каляевым]. Только что был в крепости и видел его.

По словам Жданова, Ив. П. [Каляев] находится в волне радости, что задуманное он совершил и ждет смерти. Вспоминали Вологду, вспомнил и обо мне, он читал в "Гриффе" мой рассказ "Иван Купал" — о золотоискателе без золота и о затравленной девочке.⁴⁹ На днях его повесят.

И ночью он спит. А ты сама знаешь, ночью спят только при исполнении желания: а человек перестает спать, когда нет ответа или когда бессилён что-то повернуть. Может быть, сейчас он самый счастливый человек.

Кланяется тебе А. А. Блок. Завтра он уезжает. За весь вечер он не сказал ни слова. Как хорошо к нему голубое — он был в студенчестве.⁵⁰

В четверг Д. Е. Жуковский берет меня в театр, вот что значит, быть влюбленным — и его запыленное сердце ожило, цветет.

А во-вторник с П. Е. Щеголевым и Вяч. Ивановым идем в Таврический дворец: выставка старинных портретов — Дягилев устроил.⁵¹

Петербург 1905 25 на 26 апрель

Достал "Северные Цветы" (Ассирийские) — 6 рб. Напечатала А. А. Маделунга "Цвет познания".⁵² Послал ему извещение и поздравляю. Будет ли он продолжать по русски или "Сансара" и этот "Цвет", и все. Моих 7 из "Полуночного солнца": нет "Заклинания ветра" и "Быбули".⁵³ Быбуля! —

ть, спутник "Полуночного солнца" и без него какое же северное солнце? Хотя Быбуля сумеречный, но ведь и солнце не закатное: белые ночи.

Вяч. Иванов говорил, что с осени в "Весях" открывается беллетристический отдел, туда и пошлю "Пожар".⁵⁴ А для "Северных Цветов", если будут, не написать ли о русских "чертях". Помнишь, я тебе рассказывал? [Ничего не помню]

Мое напечатано последним перед прозой. З. Н. Гиппиус едва ли довольна осталась. А ассирийская заставка, как у Брюсова — им начинается сборник, только ярче отпечатана. А концовки мне не дали, а это все равно, что рукой, не платком обтереть рот.

Брюжжу, а ты не слушай, таким ворчливым зародился. Жду от тебя грозы: я прибрал твой стол и вдруг подумал: а все ли на месте так, как лежало?

Пишу у тебя в нашей комнате под иконой. Топится печка. Какой порядок! Самое противоестественное — порядок нужен для того только, чтобы не искать, но жить невозможно.

Пасху всю съели. Но кое-что я сохранил до твоего приезда и себе доедать: колбасу, швейцарский сыр, лососину, масло, да и еще — 2 апельсина, кусочек кэксу, шоколаду-миньон, ты есть не станешь, надъеденный, Д. Е. Жуковский на Островах дал.

Заходила Татьяна Николаевна Гиппиус (сестра З. Н.).⁵⁵ Д. Е. Жуковский дал ей только 100 рублей, канительщик. А главное, все равно платить надо и какой расчет растягивать. И сам загрустил и она недовольна. Сколько такого на свете ненужного. Если будет сегодня вечером, попрошу картинку нарисовать к "Полуночному солнцу", а Быбулю перепишу. В четверг она уезжает, очень тебя ждет.

"Пруд" печатают. Была корректура Зайцева. После Чулкова, отослал в типографию.

Без 20' 8 ч. вечера

Через полчаса будут собираться гости. Наверно, опять до петухов.

По-настоящему я не должен был бы посылать это письмо, но все равно, оно к тебе вернется.

Все думаю о Ив. П. [Каляеве]. Из головы он у меня не выходит. И какое это, подумашь, все эти Георгии Иванычи [Чулков] — эти критики человеческих душ. Будет сегодня болтовня. Они и до Бога доходят, только Бог у них какой-то косолапый, лицо в кулачок, и руки (длани) в-лепёку.

Был в редакции какой-то, ругал меня ругательски, вообразил, будто я редактор, что от меня зависит, принять или не принимать, а главное, фамилии своей не говорит, а в заключение требовал аванс. Едва отбоярился. И почему меня заставляют с "писателями" объясняться, когда я только "заведующий хозяйственной частью"? и годен купить колбасу и распорядиться, чтобы всем стаканы были поданы! А это все та же история, что и у Мейерхольда: сваливают с себя то, что обузно, а дурак подымает.

Продавал я татарину твою шубу — "бери, сказал татарин, 5 рублей, моя шуба". А я просил 15 рб. и помирился бы на 10-и. Волжский уезжает: продает гардероб за 3 р. 50. Я думаю взять, а то ведь все на гвоздях, а гвоздики ненадёжны.

О судьбе Отто Христиановича [Аусем, вологодский ссыльный].⁵⁶ Кто-то читал в Московских Ведомостях и мне передают, будто он разыскивается по обвинению в "умышленном убийстве".

Без 5' 2 ч. н.

Разошлись. Как-то вяло прошел вечер. Гости звались к Чулковым. И ко мне от Чулкова заходили: Розановы Вас. Вас. и Варвара Дмитриевна. Надо им непременно показать Натусю: горячо и сердечно, я это почувствовал, отнеслись ко мне.⁵⁷ А Сологуба я из прихожей перенял к себе: он простой, только напускает на себя важность по "долгу службы": "инспектор"!⁵⁸ Несколько раз я заглядывал в зал. Были: Волжский, Мережковский, З. Н. Гиппиус, Вя. Иванов и его жена Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал,⁵⁹ Овсяннико-Куликовский⁶⁰ с лицом "Синтаксиса" — с засушенными запятыми, точками, придаточными предложениями и вводными — и все это у него на лбу, как венчик у покойника. А Татьяны Николаевны не было. Боюсь, с рисунками к "Продавцу солнца" пролетела.

Были, конечно, Бердяевы. Лидия Юдифовна⁶¹ [Бердяева] спорила с Вяч. Ивановым. Чудно было слушать: один по Момзе-

ну — историческая энциклопедия! другой от себя, Харьковской губ. Любопытно.

Мои "стихи" Вяч. Иванов определяет по Горацию: "versus lege soluti" (стихи освобожденные от закона).

Бубулинькиного Медведюшку всем показывал. Вспоминает ли она про него?

Петербург 1905 26-27 апреля

Эта неделя среди людей на болтовне и мелочах. Через час ехать на выставку в Таврический. Объяснять будет П. Е. Щеголев.

Завтра в Петербург Саблин. Что-то скажет. Боюсь недоразумений.

Эти дни не дотронулся до "Пруда". Да и можно ли к чему, кроме стульев, ручек, человеческих рук и бухгалтерии. Прочитал первую редакцию "у Маргаритки" — трудная для меня глава, потому что писал сердцем, но не из жизни, а со слов Бориса Вик. Савинкова. Пожалуй, оставить эту первую, не подправляя.

О чертях подумал: не начать ли обращением: "Здравствуйте, оклеветанные человеком, здравствуйте, крылатые братья!" [Этот мотив пройдет через "Бесовское действие",⁶² но тогда еще и мысли не было].

Был Леонид Семенов.⁶³ Олень. И какая рогатая гордость! На гордость я ему отвечал невероятными сообщениями, говоря: дурак, сними рога и посмотри по проще. [Потом он опростился, как-то с Добролюбовым,⁶⁴ и толстовцем был, прошло пять лет, встретились: олень, а рогов нет, и не я, теперь он посмотрел на меня и я прочитал в его запалых глазах сожаление: "А вы все со зверушками возитесь!"]

К Чулкову приехала его сестра.⁶⁵ Будет гостить у него все лето. Всякий лишний человек меня беспокоит, ты понимаешь, это насчет всяких "удобств": будет непременно затор и очередь, не дай Бог.

2-ой час н.

Наконец, разошлись: был П. Е. Щеголев, Вяч. Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал.

На портретной выставке в Таврическом, кроме П. Е. Щеголева давал объяснения Евг<ений> Евг<еньевич> Лансере.⁶⁶ Зрелище поучительное — дворянская Россия, выращенная, сколоченная — дальше итти некуда. Чувствовал себя таким милюзгой, хотелось за Щеголева спрятаться — Щеголев 11 пуд веса, калоши № 14, не выдаст. Да видят ли они нас — эти знатные выходцы с того света, баре, расшвыривавшие по своей воле и перееденному и перепитому капризу моих сеченных и клейменных отцов-матерей и дедов. Но я разглядел сквозь брезгливую надменность — “просвещение”, культуру, библиотеки. Ты бы была со своим шестивековым родословием своя.⁶⁷ А любопытно было б взглянуть на это — “нашла коса на камень”.

Встретил В. Ф. Нувеля⁶⁸ [Вальтер Федорович, при министре двора Фредериксе, ближайший к Дягилеву и Философу — к “Миру искусств” и всяким искусствам]. 23-й вечер “Современной Музыки” в субботу. Вот было б хорошо, если б в субботу ты вернула.

До выставки в редакции: П. Е. Щеголев, Вяч. Иванов, Н. А. Бердяев и Д. Е. Жуковский. Разговор разнообразный. П. Е. Щеголев разошелся: возрождение нашего вологодского “клуба свободных алкоголиков”!⁶⁹ [“Обезьяньей <великой> и <вольной> палаты” тогда еще не было; обезьяний орден основан в 1907 г. Это было бы в противоположность “религиозно-философским собраниям”].⁷⁰ А со “свободных алкоголиков” на христианство. Я вспомнил и повторил твою мысль: “может ли человек молиться”, чувствует ли он сердцем свою связь с каким-то надчеловеческим “небом”? Без этой связи все разговоры о религиях впустую. И еще: можно ли научить молиться? А должно быть, нельзя. И вот почему фальшивы и надоедливы все эти богоискатели.

Завтра все на Васильевский к Сологубу: хозяин будет морить стихами, а Ольга Кузминишна (сестра Ф. М. Сологуба) наливать чаем.⁷¹ Я не пойду.

Да, натерпелся я страха. Бердяев на выставку не поехал, пришлось одному. В Таврический мне в первый раз. Еду и все думаю: а ну-ка не туда завезет? Выставок сейчас много. Попаду на пожарную, и буду среди насосов, змеиных кишек и

винтовых лестниц портреты искать. Очень измучился, но, как видишь, попал и обрадовался.

А Бубуничка теперь бай-бай спит. Привыкла ли она к новому месту? И забыла своего папу-бубуку. (Отсюда и "бубуня").

ПЕТЕРБУРГ

"Вопросы жизни" Саперный 10. С. П. поехала в Берестовец. Конец "Вопросов жизни". Живем в полной неизвестности, что дальше. Ничего не пишу: нет времени. Печатается "Пруд" со "скандальной" рекламой (рецензии).

Петербург 1905 6 июля полдесятого-1 ч. ночи

Полночь. Еще не угомонился. И как вернулся с вокзала, на ногах. Возился с корзинами, переключивал. Неожиданно приехали Чулковы. Ночь ночью не один! И ты не беспокойся. А все же окно я запер.

Извозчик попался мне необыкновенный: сиденье и подножье покрыто лепестками роз. Это хорошо: розы. Видно, завтра в какой-нибудь газете прочту о себе ругань [Появление в "Вопр<осах> жизни" Пруда встречено было бранью, не было, кажется, ни одной газеты, где бы сказано было доброе слово].⁷²

А зыпился (sic) я и кашляю пылью. А завтра предстоит и еще кое-что по хозяйству сделать — "походить с топориком", и порядок у нас будет образцовый.

Размечтался дорогой: куплю тебе сервиз или лучше столик с ящиками купить? Писать ничего не буду. Дорвался до уборки, а теперь и клюю носом.

Как то ты едешь? Кукуню от меня в подмышечки поцелуй и в пяточку. Крещу тебя на "сон грядущий".

[Натасю я научил "куковать", потому и звал ее и Бубуней (от "бубука", и "кукуня" от кукушка).

Не "порывайся", гляди под ноги, когда идешь. А то буду беспокоиться и писать не буду, а так слоняться, пыль

счищать. (Мудреное слово: "счищать", хочется "сщищать"). До свидания.

Петербург 1905 7 июля от 1 ч. - 2 ч. ночи

Опять с уборкой провозился до 2-х. Оглядел твою кровать. Твою простыню положил в грязное. Под подушкой лежали три карточки, так и оставил лежать. Как рассветать стало, открыл окно. Поднялся в 10-ть.

Приехал Д. Е. Жуковский, о делах еще ничего. Заказал Тимофею суп варить.

7 ч. вечера

Мыл печку, шкапы и дверь. Все встретит тебя, как Пасху. Зато хорошо обедал: миску с грудинкой всю подобрал, ни жилки. А с Д. Е. Жуковским наводил счета.

О корректуре не беспокойся. Принесли в "сверстанном виде" Волжского.⁷³ Завтра будут гранки Голубева⁷⁴ [Василий Семенович, чтото, как Штильман, по "внутреннему обозрению", тихий, хороший человек], пошлю Голубеву. Останется Штильман.

Завтра разговор о квартире. Г. И. Чулков мне сказал, что в 1906-м "Вопросов жизни" не будет. А нам надо приниматься за поиски. Нужно побывать, когда вернешься, у Мережковских, как-нибудь в воскресенье поедem и попросим Д. В. Философова. Сообщение Чулкова меня очень огорчило.

Надо "В плену" переписать, в ноябре чтобы напечатать [Не напечатали, В<опросы> Ж<изни> выпустили последнюю книгу в ноябре, двойную]. А то куда мне итти: нигде не примут.

В "Русском Вестнике" № 7 большая статья о "Вопросах Жизни", но обо мне ни слова. Говорится о Марке Криницком,⁷⁵ Е. Г. Лундберге,⁷⁶ Блоке и Белом. [Куда девался Марк Криницкий не знаю, Лундберг писал рассказы и статьи, да неудачно и распылился, а даровитый и начитанный].

От Зонова письмо: был в Москве у Сергея; чтото дело не чисто. Пожалуй, хорошо, что ты не поехала из Москвы. Очень беспокоит меня наше будущее.

1 ч. ночи

Ушел Д. Е. Жуковский. А Н. А. Бердяев собирался, но, конечно, так и не уехал.

Сначала я составлял наш архив (рисунки Муттера,⁷⁷ мои и Николая) [находится в Пушкинском доме в Ленинграде, куда передан весь мой разнообразный архив из "Дома Литераторов" в Петербурге]. Потом пошел к Чулковым. Заказали 2 бутылки вина для разговору. На минутку уллучил Н. А. Бердяева к себе.

Он убежден что "Вопросы Жизни" будут продолжаться и в 1906 году.⁷⁸ Тоже самое говорит теперь и Чулков. Не поймешь их.

Д. Е. Жуковский очень благодушен. Толкует о журнале, говорил о подписке в сентябре и о рекламе.

О "Пруде" — решительно отказался издавать. [Д. Е. Жуковский издал "Историю философии" Куно Фишера,⁷⁹ и моего Леклера, "К монистической гносеологии"].⁸⁰ Даже на моих условиях: даром, а будет прибыль, пополам. Чулков советует обратиться к Д. В. Философову: у него рука в "Содружество".⁸¹ Если бы Философов согласился, было бы мне "на руку", не надо б мне было обращаться к Л. Н. Вилькиной [жена Н. М. Минского, писала стихи].⁸²

За чаем у Чулкова с вином. Почему-то решили, что я "захмелел". А скажу по-правде, все эти разговоры меня чем-то обидели. Мне надо всегда непременно добиваться, когда другим дается все легко. И какая-то всегда зависимость. И все что-то, и я ничего... Ну что такое Вилькина и почему Жуковский отказывает, ведь на даровщину предлагал.

Был и мой грех, как всегда, говоря о себе, о своих вещах, я паясничал (шута разыгрывал). В "паясничестве" есть много унижения, но иначе как скажу я правду и не обидно, а на потеху. Вот и поясничаю.⁸³

Завтра Чулковы уезжают и я останусь один караулить редакцию.⁸⁴

А в конце концов меня что-то и ободрило: в самом деле, если поговорить с Д. В. Философовым. День прошел с надрывом. Что-то завтра? Разговор о квартире и решение.

Бубуничку поцелуй.

Кто меня раздосадывал, это П. Е. Щеголев. Дернуло его сказать Чулкову, что колыбельная "Наташе" была напечатана в "Сев<ерном> Крае" при Каляеве.⁸⁵ С Чулковым разговор, грозит вынуть из №а [В В<опросах> Ж<изни> так и не появилось: "Засни, моя деточка милая", эта колыбельная открывает "Посолонь", 1907 г.].

Петербург 1905 8 июля 1/2 2-го ночи -12 ч. (9 VII)

Поднялся в 11-ь. Посмотрел в "Новом времени" "Лечебницу врачей специалистов", нашел Свяженинова и решил итти к нему с моим "междуглазием". Приходили полотеры. Пока с ними провозился, вижу, час.

У Свяженинова жди до 4-х. Он осмотрел и назначил на завтра в 8 ч. вечера. Так в приемной в ожидании и прошел день.

1/2 7-го вечера

Был Вяч. Иванов. И типографщик Монтвид. По расчету Монтвида издание "Пруда" обойдется в 500 руб. Безнадежно.

Мое о "Апофеозе беспочвенности" (Л. Шестова) вынули, но не из-за "моего", а из-за статьи Чулкова, который пойдет в августе. В августе же напечатают и мою рецензию.⁸⁶

В редакции настроение неопределенное. Вчера, как оказывается, составили № 8. При всем моем равнодушии к "литературным делам", — я "заведующий хозяйственной частью", — во мне подымается возмущение. Я не встречаюсь, я не имею голоса, но зачем-же от меня прятаться?

Письмо от В. В. Перемилковского⁸⁷ и от "Шара" с рукописью ["Шар" — б<ывшая> курсистка, Бестужевка, фамилию забыл, но в лицо и до сих пор помню, очень метко: "шар"]. [Вл. Вл. Перемилковский, тогда студент, впоследствии учитель латинского языка в Праге].

1/2 12 ч. ночи

Выпил молока и чего-то стало спокойнее. Очень уж я почувствовал наваливающуюся на нас тяжесть. Все время с Д. Е. Жуковским о "делах". Разговаривал — знаю ни к чему — и о "Пруде" и о "В плену" и о "Вопросах Жизни". Разговор этот был для меня тягчайший.

Убеждая напечатать в этом году, "паясничал". Все это для меня ужасно. [Теперь мне это странно писать, за "свое" пальцем не пошевельнул].

Существование "В<опросов> Ж<изни>" выяснится в сентябре. На днях Д. Е. Жуковский начнет подыскивать квартиру.⁸⁸ Жить мы будем одни, если в новой найдется для нас место. Во всяком случае без Чулкова [на новой квартире на 7 Рождественской поселится при редакции Чулков, а мы — на 5-ой Рождественской самостоятельно].

Был сильный дождь. Сидели и говорили о событиях. Почему-то — это мое исподнее — почему так безнадежно наше будущее. Мытариться — удел наш с тобой. Мне горько, потому что твой горький удел через меня, а бубунин через нас.

Пришел Н. А. Бердяев (когда уедет, ничего не известно) и взял Д. Е. Жуковского к Минским. Я попросил справиться о издании "Содружества", о гонораре, о тираже.

Леонид Андреев, передает Чулков, заметил, что форма "Пруда" не по "роману". Большие по размеру произведения, как роман, нельзя так "ускоренно" писать. Его возмутила "лиричность". Конечно, "плавности повествования" в "Пруде" нет, да и не гнался за ней. Д. Е. Жуковский соглашается с Леонидом Андреевым и как доказательство "ускоренности" видит в том, что "прочтя главу, ничего не помнишь".

Говорят, что все будет спокойно, никаких беспорядков не предвнутся. О корректуре не беспокойся. Остался один Штильман.

Ты одна чувствуешь и одна жалешь-тужишь: опять нищета и мытарства!

Кукуню-Бубуню целую крепко.

Книжки в порядок уставил и так по хозяйству с топориком походил.

Петербург 1905 9 июля 20' 12-го н. без 10-и 10-ь вечера

В 10 ч. на почту, получил деньги. И пошла жизнь. Принесли газеты, распечатывал, пробегал глазом, и складывал. Надписывал посылки. Пришел Д. Е. Жуковский, за ним Н. А. Бердяев (ей Богу, так и не уедет!)

Д. Е. Жуковский передал от Вилькиной, что "Содружество" едва ли согласится издать что-нибудь из моего в ноябре, "может, в декабре". А о гонораре он забыл спросить. Ясно, дело не выйдет.

Опять газеты. И эти просмотрел. И сложил. Пришел Ге ⁸⁹ (молодой, студент, Николай Николаевич, внук художника), Вяч. Иванов и Полилов, переводчик Ничше. Высчитывал гонорар за № 7, приготовил письма с объявлениями.

Книжка "Вопросов Жизни" скоро вся будет готова. Телеграмма от Штильмана, что выслана его статья.

Опять я кипел. Перебирая отложенные Чулковым рукописи "в запас", нашел свое. Если теперь не подам их, они наверно пролежат отлежаться и тихонько очутятся в ящике "к возврату". Разбирать рукописи не моя обязанность, а разбираю, потому что класть кладут как попало, а когда спрашивают, очень трудно найти и не знаю где.

Впрочем, все равно. Д. Е. Жуковский все мое забракует.

Вяч. Иванов принес стихи.⁹⁰ Буду переписывать "В плену", *если успею*. О поисках квартиры завтра. Был у доктора, дал примочку. В городе спокойно. Написал Сергею напомнить Николаю о обещанных 25 рублях.⁹¹ М. Н. Вороной срок отпуска продлен до августа. Заменяет ее Марья Александровна.

Целую Бубуню-Кукуню крепко-на-крепко.

Жду тебя. Чищу, прибираю. Никаких писем.

В понедельник опять к доктору. Снимут бинт, а то на один глаз гляжу, а другой в повязке отдыхает.

Петербург 1905 10 июля 20' 10-12 ч. ночи

Вчера написал, что пойду к доктору сегодня, ошибся, завтра. К твоему приезду помочка подействует: доктор сказал, через неделю. Бинт очень неприятно: застилает.

Вчера была забастовка на всех крупных фабриках.⁹² Служили панихиду. Но никаких беспорядков. А с завтрашнего дня жизнь пойдет обычно.

Письмо из Борзны. Про Бубуню сохраняю, как и все твои письма [С. П. перед отъездом за границу в 1921 г. сожгла все свои письма].

Д. Е. Жуковский, Н. А. Бердяев и Анна Яковлевна Денисевич. А. Я. набила мне папиросов, она думала заниматься, замещая Марью Никаноровну. Но не пришлось. Пришла знакомая Д. Е. Жуковского и пела романсы.

Н. А. Бердяев выдал тайну о пяти пунктах брачного условия.

Д. Е. Жуковский очень рассердился на А. Я. Денисевич, которая, не скрывая, ему сказала. Дело шло о Виктории Ильинишне.

Думаю о рассказе "В секретной".⁹³ Дал Д. Е. Жуковскому "В плену". Вечером он придет в редакцию.

Пишу в Бубуниной комнате. Одним глазом очень трудно.

О корректуре. Не беспокойся. Сейчас ничего нет. Д. Е. Жуковский ничего не имеет, если ты пробудешь до 17-го июля. Квартиру, если сговорятся, возьмут у А. Я. Денисевич. Это хорошо. Только и про это еще раз Д. Е. Жуковский. "В<опросы> Ж<изни>" наверно, прекратятся. Решится все в сентябре.

После чаю зашел Д. Е. Жуковский. О моем еще не решил, одно, что ему мало нравится. А это значит, не принял. Присматривал он квартиру на Надежденской: 5 комнат, 2-ой этаж, с ванной до 15 января, 100 руб. в месяц. Пойду с ним посмотреть. Просидел весь вечер. В большом унынии.

Крещу тебя и Бубуничку.

Петербург 1905 11 июля без 20' 11 часов вечера

Не знаю, застанет ли тебя это письмо.

Из всех разговоров с Д. Е. Жуковским все более обнаруживается недоброе. "Реакция" в репертуаре, говоря по-театральному, в следующих книжках В<опросов> Ж<изни>: выкуривают "декаденство", а стало быть и мое.

"Содружество" гонорара не платит, а еще берет с автора пай — 50 руб. О "Пруде" Д. Е. Жуковский может издать, но чтобы я участвовал деньгами, приблизительно, 100 руб. и издание будет моим. Трудное дело и невозможное. Ведь надо рекламу!

Во сне видел, будто всю ночь мне пел Шаляпин. Думаю, какая ждет меня радости! А вышло: подавай деньги или как знаешь.

Бубуничку хочется мне повидать, а дела так устриваются: как мы вдвоем-то протянем год? Жутко заглядывать.

Чуть не весь день просидел в Лечебнице. Повязку сняли, глаз освободили, гляжу двумя. А новая, что на мне, дышать трудно: нос зажат и давит горло. Ем по-капельки.

Когда снимали швы, тебя вспомнил. Каково тебе было! Хотя, когда иголкой за кожу задевали, было больнее, — огоньки мелькали. В пятницу и это украшение снимут и я буду человеком. Глаза открыты, но писать все же трудно: очки далеко сидят.

О корректуре не беспокойся, ничего нет. Набирают Штильмана, Голубев готов. Сегодня вечер у Д. Е. Жуковского. Будет музыка по случаю отъезда Н. А. Бердяева. Да, не верится, чтобы он уехал.

Тебе письмо от Раисы [Раиса Александровна Шалаурева из Вологды]. Крещу тебя и Бубуничку.

Петербург 1905 IV-V

I

Приехал Сергей Николаевич Булгаков. Корректуру надо к 4-м. Может, занесешь сама.

II

Когда кончишь корректировать, приходи сюда. Я сделаю одну вставку при тебе.

III

Просит Чулков корректуру поскорей. Заходи в редакцию. Приноси два кусочка черного хлеба.

IV 15 X

Не тревожься. Издано постановление, разрешающее собрания. В воскресенье ничего не будет. Посылаю Сологуба:⁹⁴ его надо к 3-м. Если хочешь, приходи сюда, тут будешь корректировать. Или лучше приноси сюда корректуру готовой и тут прочитаешь. П. В. [?] Наташе послал. [Или игрушку или конфет, но кто это П. В. не помню]. [Записки посылаю из конторы]

V 4 XII

Кончил 5' 3 ч. у. на 4-ое. Если хорошо, то думаю посвятить тебе и уж, конечно, с нераздельной Бубуней, только не сердись на меня.

ПЕТЕРБУРГ

1905 г.

На Рождество вместе едем в Берестовец к Наташе. Две недели пройдут для меня, как годы. Буду жить, как в заключении, выходя только в часы еды. От разговора спасает Наташа. Ею занят весь дом. В "Посолони" Мака это про Наташу.

Петербург 1905 19 декабря

Как сел к столу, так и сижу. Обуяло меня — мое темное. За плечи меня берет, пригибает к земле.

И это не за дверью — подслушивает, и не за окном — весть подает. Не твое пламенное желание. Это во мне — громадное и бессловесное дышет моей душой. Я должен его выразить: я понял что-то. А не выражается — или еще не понимаю?

Почему мне кажется, что каждый наш день суббота, а завтра воскресенье. Канун и покой. Нет, только канун.

Какой трудный путь должна пройти Наташа и зачем дети родятся? Зачем я родился?

Вспоминаю нашу жизнь в Херсоне у Бурлюков.⁹⁵ Наташа еще не появилась, но она уже была. Гимназист Коля,⁹⁶ завязанное горло, всякий вечер сонный, а завтра рано вставать. На меня нападала скука. И я чувствовал себя, как в клетке: попался. И мечтал о нашей воле.

Зачем родятся на земле люди?

Какая горечь — первый крик ребенка!

Для чего я все собираю, подклеиваю, раскладываю по именам, по памяти и берегу? Пожар — и все сгорит. И на пожарище я буду собирать. Я вытолкнутый на землю жить.

И буду бояться, когда к Бубуне приедем. При ней, а когда она заснет, я не знаю, что мне говорить с большими. Выручит она же: о ней будут говорить.

А знаешь ли ты, почему ты вчера плакала? Невольные слезы предчувствия? Нет, ты обо мне плакала. Я был ожесточен. О моем затаившемся с в е т л о м плакала.

Когда я вижу Натусю, я пишу сказки.

Только бы нам устроиться!

А что меня пугает? Поступлю куда — и трудно мне будет выбраться. В жизни, я знаю, на царское место мне не дорога.

1906 г.

ПЕТЕРБУРГ

5 Рождественская 38 кв. 2

Ликвидация "Вопросов Жизни" (7 Рождественская). В весне и ликвидация моей службы — я свободный. Занимаюсь самыми "фантастическими" делами — считать по дворам собак (статистика) — а главное ищу работы. Существоем мы оба только уроками Серафимы Павловны.⁹⁷

После "В плену", "Пруда" и "Часов" —

ПОСОЛОНЬ

Когда я пробил эту толщу жизни, пробил из самой глубины свет сказки.

Это время описано в книге "Кукха". И рассказы из 2 ч. "Подстриженными глазами" ("Тотеш", "Гюнтер") и в "Сквозь огонь скорбей".⁹⁸

Петербург 1906 3 января

Вчера не сразу заснул, все думал, во что нарядится. Необходимо привлечь В. Н. Ивойлова [В. Княжнин]:⁹⁹ тоже "хулиганом" будет, это теперь и к месту и ко времени. И, конечно, отправился к Ф. К. Сологубу [Не ходили]. Я с Вяч. Ивановым "секретно" переговорю: я возьму его моей козлиной маской. А вечером пускай придет и Лидия Юдифовна и Николай Александрович [Бердяевы]. Только уговор: оставим Л. Ю. на ее

страх, пускай, как хочет, так и рядится. Разговаривать с ней устанешь, как я вчера. Приду и все расскажу. Если З. Н. Гиппиус уйдет без меня, кланяйся.

[В то время в Петербурге снова, как в старые годы, была мода на ряжанье. Обыкновенно я рядился в козлиную маску, а потом ни во что не рядился, а в своем виде — тоже от паясничества! — на последнем же вечере у Сологуба "появился" самим собой и только сзади "обезьяний" хвост.¹⁰⁰ Дело о отрезанном хвосте в моем архиве, хранилось в Публичной Библиотеке, а где теперь, не знаю]. [Вл. Н. Ивойлов — лешонок, написал один рассказ, называется "Сёмушка", в жизни беспросветный бедун].

МОСКВА
"быстрым ХОБОТОМ"

Но зачем, не помню. Денег я никаких не привез. Разве что из-за "Золотого Руна" стоило.

Москва 1906 1 марта 8 ч. у.

Скоро и Москва.

Видел во сне, сижу будто на паровозе свистка, очень мне жарко; поезд остановился и я пошел пешком.

Думал о тебе, каждый час считал.

Со мною трое: три купца разговаривают друг с другом без начала и без конца, значит, понимают и все известно. За всю дорогу в вагоне воды не пил, съел котлету, а другие два отдал мальчику, вошел до Клина, едет в школу. Читает стихи. Вместо "быстрым ходом" говорит "быстрым хоботом". Купец поощряет, дал ему пяточек.

Подъезжаем.

Москва 1906 2 марта 3 ч. ночи Тверская 7 кв.14

С Сергеем. А раньше был Виктор и Ида. Иде я сказал, что завтра с ней буду "разговаривать". Она поняла. "Что была тогда у вас в Киеве?" "Да". Но она поняла, конечно, что я

только пугаю, а кончится разговор моим покрывающим "грехи человеческие". "Я понимаю". [Ида Рюккерт (Ремизова) существо странное и "приключительное", знал ее с детства, почему она вышла замуж за моего брата Виктора, а не за Сергея, пожалуй, потому что с Виктором надёжней в жизни, и только]. Завтра в 9 ч. в "Золотое Руно"¹⁰¹ к Н. Рябушинскому,¹⁰² условился с А. Соколовым (Сергеем Кречетовым)¹⁰³ по телефону. Оттуда к Виктору и к муттеру.

С Сергеем неладно. Да неладно. С Биржи ему придется уйти. Но какое занятие найдет? [Тут начинается матерьял для "Крестовых сестер"]

Сергей все свои стихи читал, прежние, конечно. Теперь он ничего не пишет. Да и не поет.

О "Пруде" он советует обратиться к "одному" человеку, чтобы издал "какой-то" мой родственник. Уж очень таинственно и мудрено понять. А действовать надо через Николая. А это уж совсем темно. Но я поверил и жду завтрашнего дня.

Не описываю тебе, как приехал. Как час провел с нянькой и Ляляшкой [Елена Ремизова],¹⁰⁴ записывал слова и слушал ее рассказы. Пил чай, обедал. Ходил с Сергеем в пивную, говорил по телефону.

На Москве тихо. За окном свистит ветер, И чего-то жутко.

Завтра решу, когда ехать: в субботу или в воскресенье. Хочется устроить что-нибудь с деньгами. И о "Пруде". В пятницу с Николаем для "дел издательских" [Конечно, окажется все вздор — ни о каком издании он не думал и имен "одного человека" не называл].

Ты одна. Верь мне, верь!

Москва 1906 2-3 марта около 6-и утра

Пишу, лежа в кровати; искал ручку, но так и не нашел.

Теперь я могу ехать. В субботу в 5-ть или в 5.40' вечера. Утром в воскресенье буду.

Сергей рассказывал свое дело. "Если бы ты была и его исповедывала!" Его слова. [Матерьял для "Крестовых сестер"]. Слушал и замучился. Теперь он заснул, а я не могу.

Был у Муттера — в ужасном состоянии. Прежде, хоть мы были, на ком сердце сорвать, потом Сергей. А теперь одна.

Разговаривал с Идой. Оправдывается: "со скуки".

В "Золотом Руне": Кречетов. "Пожар" [из "Зги"] пойдет в № 3. За лист 75 руб. Вперед ничего. Завтра в "Весы" и к Николаю. И скорее в Петербург, к тебе. Очень я измучился.

В Никитском театре слышал в первый раз "Пару гнедых".¹⁰⁵ Без голоса, но такое чувство, душу заливает.

Не осуди, что коротко пишу. Подробности потом.

Рассвело.

["Пожар" — L'incendie напечатан и по французски, перевод Eshmer Valdor (Alexandre Mercereau), автор "Les thuriboulums affaissés", этот неудавшийся поэт состоял при "Золотом Руне" переводчиком].¹⁰⁶

1906 г.

ПЕТЕРБУРГ

5-ая Рождественская, 38 кв. 2

ПОСОЛОНЬ

Из событий: вечер у Врасских. Читаю главу из "Пруда", как под Пасху повесилась мать. Скандал.¹⁰⁷ За меня Дягилев, Блок, Философов, Бакст. Мережковским "наплевать", а Сологуб на стороже.

Познакомился с Шляпиным.

Из событий же: как я пошел наниматься в контроль.¹⁰⁸ Скандал в приемной у генерала: закурил.

На приеме у А. В. Руманова ("Русское Слово").¹⁰⁹

Петербург 1906 15 марта

I

К Вяч. Иванову, не дождавшись тебя — ты не сердись — голова болит, хочу вернуться, как только поскорее.

II

К Чулкову. Узнаю адрес Добужинского, а потом к П. Е. Щеголеву (на квартиру), возьму книги. Вернусь скоро.

III

Я пошел с Н. А. Бердяевым, Д. Е. Жуковским и В. В. Розановым. Четверть 10-го. Вернусь очень скоро. Обрати внимание на печки. Был угар. Угар я проветрил. От Д. Е. Жуковского 50 руб.

Петербург 1906 18 апреля

Синим карандашом

Рисовала С. П. Довгелло 18 апреля в Великую среду Полдесятого вечера, ожидая от портнихи кофту и платья, — в день, когда в 9 ч. последовало решение.....

[Думаю и думаю, не могу вспомнить, какое из решений в тот день решен был: о Наташе? о "монастыре"? Не совсем затвориться или только не бывать у Сологубов-Минских?]

Петербург 1906 25 августа

Давай так — не глядеть ни на что, а так *вынести* все, чтобы взять свое. Ничего не бояться давай. Тогда и пугать не будет сегодня-завтра-послезавтра. Все, что таит в себе будущее. Пойдем по своей дороге. Выберемся, я верю. Я уж очень за тебя беспокоюсь. Моя судьба — быть под грозой, она невидимкой-платком покрывает мне голову. И эта черная тень от меня. Я знаю, какой крест ты приняла через меня, и вот я беспокоюсь.

Петербург 1906 19 декабря

Сейчас 5, скоро итти к "Барыне" [чье это прозвище, не могу вспомнить. Думаю, что это В<ера> С<тепановна> Гриневич,¹¹⁰ для которой я буду составлять каталог детских книг]. В Английскую гостиницу надо поспеть к 7-и, хорошо бы тақ без 10-и 7-ь. Исакиевская площадь 10-24. Проходи-ка в четверть 7-го и мы отправимся.

Был Добужинский¹¹¹ [рис<ует> картинки к "Морщинке"¹¹² с женой, Елизаветой Осиповной. Жалеют, что тебя не застали.

Лопнула труба: вот в чем причина. Водопроводчики говорят, что к вечеру, может, поправят, да Бог их знает. Наказал Маше справляться.

Электричество не горит, потому что счетчик неправильно поставили. Тут случился монтер и хочет поправить. Пошел к телефону говорить с Общ<еством> Электр<ических> Сооружений (Гелиос). И ему сказали, чтобы сам он не "пускал", а пришлют через полчаса поправить.

Купил свечку. Денег у меня ничего не осталось. А до свечки кофею — 55 к. и табак — 40 (95 к.). Да Маша в долг купила свечку — 6 к.; у ней взял я 30 коп. этому монтеру, да покупала мне открытку — 4 к., написал было в Гелиос. Стало быть, Маше должен 37 коп.

Старался, чтобы к твоему приходу все дела наладились. А есть мне "порядочно" хочется... Я, наверно, вчера простудился.

[С. П. давала уроки в частной гимназии Минцловой. А я дом караулил и писал Посолонь].

* Первые две части текста были изданы в "Europa Orientalis" IV (1985): 143-190, VI (1987): 237-310.

¹ О жизни в редакции "Вопросов жизни" и о литературных собраниях см. *На вечерней заре*. "Europa Orientalis" VI, книгу воспоминаний Кукха. *Розановы письма*. Берлин 1923 и Н. Lampl, *Remizovs Petersburger Jahre. Materialien zur Biographie*, "Wiener Slawistischer Almanach" 1982, Band 10: 271-325. В *Литературном дневнике* за 1905 г. З. Гиппиус приветствует выход журнала, по ее словам, лучшего из русских журналов и описывает помещение, в котором разместилась редакция: "... самая спокойная, удобная квартира, великолепные меблированные комнаты "для солидных жильцов" (...) Жильцы сидят у себя, всякий в своем отдельном углу (...) Внутренних дверей между комнатами нет, — все двери в корридор (...) Большой зал приспособлен под "общественников". Их живет несколько вместе и не ссорятся. А дальше все номера, роскошные "отдельные кабинеты" скептиков и уютные спальни, келийки мистиков" (*Литературный дневник. 1899-1907*. СПб. 1908: 321).

² Иван Платонович Каляев (1877-1905), убийца московского губернатора великого князя Сергея Александровича, был казнен в Шлиссельбургской крепости 10 мая 1905 г. О встречах с ним Ремизов часто упоминает в воспоминаниях: *Иверень*. Редакция, послесловие и комментарии О. Раевской-Хьюз. Berkeley 1986: 191-217, *Взвихренная Русь*. Париж 1927: 90 и *На вечерней заре*. "Europa Orientalis" IV, 1985: 156.

³ О семейной драме Ремизовых и о жизни Наташи (1904-1943) см. Н. В. Резникова, *Огненная память*. Berkeley 1980: 44-59; *На вечерней заре*. "Europa Orientalis" VI и *Книги записей С. П. Ремизовой-Довгелло* (Кн. V, л. 11-15, Парижский архив Н. В. Резниковой).

⁴ Намек на ремизовское размышление о человеческом уделе в заключительной главе книги *Иверень*, "Судьба без судьбы", вдохновленной *Страдами* Кондратия Селиванова, изданными в 1845 и 1864 гг. и включенными также в кн. В. Розанова *Апокалипсическая секта* (Пб. 1914).

⁵ Об отношениях З. Н. Гиппиус с С. П. см. Н. Lampl, Zinaida Gippius an S. P. Remizova-Dovgello, "Wiener Slawistischer Almanach" 1978, Band 1: 155-194 и *Книги записей С. П. Ремизовой-Довгелло* (Парижский архив Н. В. Резниковой).

⁶ О совместной с Чулковым жизни при редакции журнала см. *Кукха*: 11-15; *На вечерней заре*. "Europa Orientalis" VI, 1987: 282-310 и воспоминания Б. Зайцева, *Далекое*: "Петербург начала века, журнал "Вопросы жизни", огромная квартира, где обитал при редакции приятель мой Георгий Чулков — вроде редактора. Жил там и худенький Ремизов, в очках, уже тогда слегка горбившийся, волосы несколько взъерошенные — секретарь редакции. Издатель журнала скромный меценат Жуковский. Главными тузами считались Булгаков (тогда еще не священник) и Бердяев, только что начинавший, но сразу обративший на себя внимание" (Washington 1965: 61). О молодом Чулкове см. также А. Белый, *Между двух революций*, Л. 1934: 62-64.

⁷ Всегда отрицательные отзывы Ремизова о творчестве публициста и литературного критика Волжского (Александр Сергеевич Глинка, 1878-1940), сотрудника "Нового пути" и "Вопросов жизни", в книгах *Кукха* и *На вечерней заре* VI, 1987: 251-310. О нем см. *Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь*. М. 1989, I: 561-582.

⁸ Об актере А. П. Зонове (1875-1922) см. *Иверень*: 249; *Кукха*: 40-42 и *На вечерней заре*. "Europa Orientalis" IV, 1985: 190. Письма Зонова к Ремизо-

ву, хранимые в архиве Пушкинского Дома, содержат богатые сведения о деятельности Камерного театра, Театра В. Ф. Комиссаржевской и театральной студии Ф. Ф. Комиссаржевского (см. С. С. Гречишкин, "Архив А. М. Ремизова", в кн. *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год*, Л. 1977: 42).

⁹ Со знаменитой трагической актрисой В. Ф. Комиссаржевской (1864-1910. Ремизов всегда писал ее фамилию через два м) писатель познакомился в 1907 г. через Мейерхольда; в ее театре в 1907 г. было поставлено ремизовское *Бесовское действие*. Личности и творчеству Комиссаржевской Ремизов посвятил главу "Бесприданница" в кн. *Пляшущий Демон. Танец и слово*, Париж 1949: 37-41.

¹⁰ О херсонском сезоне в театре Мейерхольда и тяжелых условиях жизни "заведующего репертуаром" см. *На вечерней заре*. "Europa Orientalis" IV, 1985: 171-190; VI, 1987: 237-238. Сотрудничество Мейерхольда и Ремизова продолжалось и после херсонского сезона; в 1905 г. Ремизов опубликовал статью "Театр-Студия" о постановках режиссера (*Наша жизнь*, 22 сент. 1905). В письмах Мейерхольда тех лет многократно упоминаются встречи с Ремизовым и их совместные проекты (Мейерхольд, *Переписка. 1896-1939*. Москва 1976).

¹¹ О взаимоотношениях Чулкова с Блоком см. "Переписка Г. И. Чулкова с Блоком". Публ. А. В. Лаврова в кн. *Александр Блок. Новые материалы и исследования*. М. 1987, ЛН 92/4: 370-422.

¹² О личности Чулкова ср. письмо Брюсова к Вяч. Иванову: "... это не только бездарность (как я всегда утверждал), но еще шарлатан, рекламист и аферист" (*Валерий Брюсов*. М. 1976, ЛН 85: 500). Жена Г. И. Чулкова — Надежда Григорьевна, урожд. Петрова, в первом браке Степанова (1874-1961).

¹³ Ср. в воспоминаниях *Взвихренная Русь*: "1905 год. Редакция "Вопросов жизни" в Саперном переулке. Я на должности не "обезьяньего канцеляриста", а "Домового" — все хозяйство у меня в книгах за подписями (сам подписывал!) и печатью хозяина моего Д. Е. Жуковского, помните, "высокопоставленные лица" обижались, когда под деловыми письмами я подписывался "старый дворецкий Алексей". Марья Алексеевна, младшая конторщица, убежденная, что мой "Пруд" есть роман, переведенный мною с немецкого..." (с. 509).

¹⁴ Имя издателя "Вопросов жизни", Дмитрия Евгеньевича Жуковского, часто встречается в воспоминаниях Ремизова: *Иверень*, *Кухха*, *В розовом блеске* (Letchworth 1969: 301) и *На вечерней заре*. "Еуропа Orientalis" VI, 1987: 282-310. О нем см. также *Воспоминания* Е. К. Герцык (Париж 1973:178-192).

¹⁵ Речь идет о брате писателя, Викторе Михайловиче и о его жене, Иде Федоровне Рюккерт. О них см. Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, Париж 1959: 76 и *На вечерней заре*, "Еуропа Orientalis" VI, 1987: 240-310.

¹⁶ Дружба Ремизова с историком и пушкинистом П. Е. Щеголевым (1877-1931) продолжалась и после вологодской ссылки; личности друга-академика писатель посвятил ряд воспоминаний в книгах *Иверень* (с. 237-272) и *На вечерней заре* ("Еуропа Orientalis" IV, 1985: 153-190; VI, 1987); в *Кухке* он один из постоянных гостей; в *Взвихренной Руси* он неоднократно появляется в снах писателя; в *Мышкиной дудочке* упоминаются собрания, которые устраивал Щеголев в Петербурге "в воспоминание о нашем скромном вологодском клубе свободных алкоголиков" (Париж 1953: 42). О нем Ремизов напечатал некролог ("Последние Новости", Париж 29. 1. 1931), вошедший в кн. *Встречи*.

¹⁷ Валентина Андреевна Щеголева-Богуславская (1878-1931), актриса в театре В. Ф. Комиссаржевской, увековеченная в стихах Блока. См. Е. Ю. Литвин, С. С. Гречишкин, *Блок и В. А. Щеголева*, ЛН 92/3: 850-856 и А. Бахрах, *Два Щеголева*, "Новое Русское Слово", 28 января 1979.

¹⁸ О пьесе С. Пшибышевского "Для счастья" переведенной Ремизовыми см. *Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу* (Copenhagen 1976: 24) и *На вечерней заре*. "Еуропа Orientalis" VI, 1987: 247-310.

¹⁹ Об отношениях писателя с Владимиром Михайловичем Саблином (1872-1916), издателем сочинений Пшибышевского, см. *На вечерней заре*, "Еуропа Orientalis" VI, 1987: 241-310.

²⁰ Мирэ (Александра Михайловна Мойсеева), близкая знакомая Г. Чулкова, сотрудница "Золотого Руна" и "Вопросов Жизни"; автор сборника рассказов "Жизнь" (Нижний Новгород, 1904); ее имя часто упоминается в дневниках Вяч. Иванова 1906 г., как постоянной посетительницы вечеров на "Башне" (В. Иванов, *Собрание сочинений*, II, Bruxelles 1974: 746-748, 753).

²¹ Августа Филипповна Доманская (1885-1959), писательница и переводчица. Сотрудница "Современных Записок" и посетительница литератур-

ных вечеров ж. "Звено" в 1926-1927 гг. (см. *La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique 1920-1930*, Établie par Michèle Beysnac. Paris 1971).

²² Не удалось установить переводом какого произведения французского писателя Марселя Швоба (Marcel Schwob, 1867-1905) занимался тогда Ремизов.

²³ Первая редакция *Пруда* была издана в "Вопросах Жизни" в 1905 № 4-11. О перипетиях издания романа см. *На вечерней заре*. "Еуропа Orientalis" IV, 1985: 171 и "Неизданный Мерлог". Публ. А. д'Амелия, *Минувшее. Исторический альманах* 1987, 3: 227-229.

²⁴ Тот же факт описан и в книге *Встречи*: "Приезжал какой-то швед, но ему надо было по верхам лазить, да и недолго он по Невскому жмурился, улепетнул назад в Стокгольм. Я только и успел снабдить его "информацией": кто из петербургских знаменитостей имел в виду Мережковского и о каких Новуходоносорах сочинение пишет" (с. 203). О мистификации Ремизова вспоминает Чулков в кн. *Годы странствий* (М. 1930:170-171): "А. М. Ремизов вечно кого-нибудь мистифицировал, вечно выдумывал невероятные истории, интриговал ради интриги, шутил и ловко умел извлекать из людей и обстоятельств все, что ему нужно, прикидываясь иногда казанскою сиротою. Хитрец порою любил пошалить, как школьник, — любил подшутить над простецом". О выступлениях с "ложной информацией" см. также "Неизданный Мерлог", *Минувшее* 1987, 3: 199-261.

²⁵ Рассказ Зайцева, прочитанный Чулковым, "Хлеб, люди и земля" был позднее издан в "Вопросах Жизни" в двойном номере апреля-мая 1905 г. (с. 153-158).

²⁶ "Пруд" — мое первое произведение. Написан в Вологде (1901-1902), но в него вошло — "запевы" (лирические отступления) — из ранее написанного уже в Устьсысольске (1900-1901). В 1-й редакции с некоторыми редакционными пропусками "Пруд" напечатан в ж. "Вопросы жизни" в 1905 г. Встреча была самая дружная — не было журнала и газеты, где бы не было отзыва — везде выругали. Несмотря на изустное заступничество — слово: П. Е. Щеголева, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, Льва Шестова, Е. В. Аничкова — я не мог найти издателя. И только в 1908 г. через С. К. Маковского в издание "Сириус" (С. Н. Тройницкий, А. А. Трубников, М. Н. Бурнашов) вышел "Пруд" отдельной книгой с обложкой М.

В. Добужинского. Это 2-я редакция без пропусков" ("Неизданный Мерлог", *Минувшее* 1987, 3: 227).

²⁷ Рецензия Ремизова "По поводу книги Льва Шестова *Апофеоз Беспочвенности*" была напечатана в "Вопросах жизни" 1905 № 7 (с. 204), а затем вошла в сборник *Крашенные рыла. Театр и книга*. Берлин 1922. Философская система Шестова и его путь "наперекор" были очень близки Ремизову, который в статье «Памяти Льва Шестова» писал: "Человек" — я говорю о человеческом мире — пропадает именно от своей тупой "разумности" и холодной "расчетливости", этот самообманывающийся непогрешимой "математикой" игрок! А что это так, не надо и смотреть, чтобы почувствовать, что творится вокруг, какое бездонное горе разливается по миру в этом мире заочных бумажных приговоров, теоретических программ, без слуха к живой трепещущей жизни. Шестовское "безумие" — "апофеоз беспочвенности" — был вызов именно этой мировой бездушной машинности, этому подлинно безчувственному идолу "логицизирующему сухарю", для которого горячее человеческое сердце с его безграничной волей и чудесами — *сапогом!* — "дважды два четыре!" А ведь за каждый вызов, по установившимся законам жизни (...), за каждое наперекор какому-то "равнению" — так это не проходит. Жизнь ему и показала: годы высиживался он в Коппе под Женевой, а тут по три часа в день шагал в Булонском лесу. "По-нашему не согласен, так вот же, поди посиди или погуляй, посмотрим!" (*Встречи*: 268). Об отношениях Шестова и Ремизова см. Каталин Секе, "Апофеоз беспочвенности: Лев Шестов и А. Ремизов". *Dissertationes Slavicae*, XV, Szeged 1982: 105-120; Avril Pyman, "Petersburg Dreams", в кн. *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer*, Columbus 1986: 60-68 и А. А. Данилевский, "А. М. Ремизов и Лев Шестов", *Ученые Записки Тартуского Университета* 883, Тарту 1990: 139-156.

²⁸ Ср. в воспоминаниях Г. Чулкова: "я прекрасно помню его комнату, столь жарко натопленную, что не всякий мог вынести такую Ремизовскую температуру" (*Годы странствий. Из книги воспоминаний*. М. 1930: 170).

²⁹ Роман "Петр и Алексей", последний том трилогии Д. С. Мережковского "Христос и Антихрист", вышел отдельным изданием в Петербурге в апреле 1905 г. и получил отрицательные отклики критики почти всех направлений (*Русская литература конца XIX - начала XX в. 1901-1907.*, М. 1971: 451-452). О романах Мережковского пишет Бердяев в *Само-*

познании: "Все творчество Мережковского, очень плодовитого писателя, обнажает прикрытую схемами и антитезами ("Христос и антихрист", "дух и плоть", "верхняя и нижняя бездна"), двойственность и двусмысленность, неспособность к выбору, безволие, сопровождаемое словесными призывами к делу" (Париж 1949: 156).

³⁰ После смерти первой жены, Александры Михайловны Велигорской, Леонид Андреев в 1908 г. женился на Анне Ильиничне Денисевич (по первому браку Карницкой, 1885-1948), с которой он познакомился через Корнея Чуковского ("Крымский вестник", 1908, № 97, 30 апреля). О них см. Richard Davies, *Leonid Andreev. Album di famiglia. Ritratti inediti della Russia prerivoluzionaria*. Milano 1989: 15).

³¹ В 1909 г. Д. Е. Жуковский женился на А. К. Герцык. О семейной жизни Жуковских в военные годы и после революции см. *Воспоминания Е. К. Герцык*.

³² Григорий Николаевич Штильман (1877-1916), юрист и публицист. Сотрудник "Вопросов жизни". Был одним из редакторов петербургской газеты "Слово", когда Ремизов начал свою литературную карьеру: "... я тоже вошел в литературу и не широкими путями, меня не очень принимали, выступал я, как гастролер, в *Речи* и в *Слове*. Помяну моих снисходительных покровителей: Давид Абрамович Левин (*Речь*) и Григорий Николаевич Штильман (*Слово*) — без них не было б у нас ни Елки, ни Пасхи" (*Иверень*: 229).

³³ Регулярные встречи Ремизова с Вяч. Ивановым начались с осени 1905 г., когда поэт переехал на постоянное жительство в Петербург и Ремизов стал посетителем "Башни" на Таврической 25.

³⁴ "В плену", воспоминания ссылки, написанные уже в 1896-1903 гг., не появились в "Вопросах жизни"; они были изданы под названием *Белая башня* в альманахе "Проталина" (СПб. 1907 кн. 1), затем в сборнике *Чортов лог и Полунощное солнце* (СПб. 1908), и в сильно переработанном виде в 2-м томе *Сочинений*.

³⁵ После закрытия "Нового пути" Бердяев и Булгаков, редакторы возобновленного журнала "Вопросы жизни" привлекли Ремизова в состав редакции (ср. *На вечерней заре*. "Еуропа Orientalis" VI, 1987: 240-310). Об обновлении журнала вспоминает Бердяев в *Самопознании*: "журнал "Вопросы жизни" имел большое симптоматическое значение, он отражал течения того времени, он был новым явлением в истории

русских журналов. Но в журнале не было органической цельности. Он должен был, прежде всего, выразить кризис мирозерцания интеллигенции, духовные искания того времени, идеализм, движение к христианству, новое религиозное сознание, и соединить это с новыми течениями в литературе, которые не находили себе места в старых журналах..." (с.148).

³⁶ Лидия Антоновна Борейко (?-1918), семейная подруга Серафимы Павловны, описана в *розовом блеске* как Лена Боровая. О ней в *Книгах записей С. П. Ремизовой-Довгелло* (Кн. I, л. 59-60. Парижский архив Н. В. Резниковой).

³⁷ Кроме *Пруда* (СПб 1908, изд. Сириус) и *Полуночного солнца* (в печатном тексте: *Чортов Лог и Полунощное солнце*, СПб. 1908 изд. EOS), другие тексты Ремизова в отдельном издании не появились.

³⁸ Ср. Кукха: 12. "Пострадал И. А. Давыдов, автор "Так что же такое, черт возьми, экономический материализм?" — в его рецензии на книгу Рожкова, везде было напечатано не Рожков, а Розиков". О Иосифе Александровиче Давыдове см. также краткую запись в *Иверне*: 256-257.

³⁹ Некоторые карточки, снятые Ремизовыми уже в Бретани, сохраняются в Парижском архиве Н. В. Резниковой. Когда в 1921 г. родители эмигрировали, Наталья Алексеевна осталась с семьей матери на Украине и там умерла 30 октября 1943 г. от сердечного припадка.

⁴⁰ Александр Ильич Зилоти (1863-1945), знаменитый пианист, ученик Франца Листа, и дирижер. С 1900 организатор симфонических и камерных концертов в Москве и в Петербурге. Возглавитель той части труппы Мариинского театра, которая не хотела сотрудничать с большевиками, был снят Луначарским с поста Директора государственных театров. С 1919 г. жил за рубежом, в США.

⁴¹ Анатолий Андреевич Брандуков (1856-1930), известный виолончелист и дирижер. Профессор Музыкально-Драматического Училища Московского Филармонического Общества (в 1906-1917) и Московской Консерватории (с 1921).

⁴² О непонимании музыки Брюсова пишет и М. Цветаева: "Антимзыкальность Брюсова, вопреки внешней (местной) музыкальности целого ряда стихотворений — антимзыкальность сущности, суть, отсутствие реки. (...) Такого второго случая в русской лирике не было: застегнутый наглухо поэт" ("Герой труда", в кн. *Проза*, Нью-Йорк 1953: 203, 205).

⁴³ О соборном действии Иванов пишет в статье "Эстетическая норма театра", в кн. *Собрание сочинений*, Bruxelles 1974, II: 205-214. О Вяч. Иванове и о соборной культуре начала века см. также Н. Бердяев, *Самопознание*: 162-168 и Daniela Rizzi, *La rifrazione del simbolo. Teorie del teatro nel simbolismo russo*, Bologna 1989: 81-142.

⁴⁴ В четвертой книге альманаха "Северные цветы ассирийские", вышедшей в 1905 г. и высоко оцененной А. Белым в "Весах" (1905 № 6: 69-70) Ремизов издал свой "зырянский мир": "Омель и Ен", "Пблезница", "Кутья-Войса", "Икета", "Плач девушки перед замужеством", "Кики-мора" (с. 70-76). Ср. *На вечерней заре*. "Europa Orientalis" IV, 1985: 174.

⁴⁵ O versus libre Ремизова см. также Н. Lampl, *Innovationsbestrebungen im Gattungssystem der russischen Literatur des frühen 20. Jahrhunderts — am Beispiel A. M. Remizovs*, "Wiener Slawistisches Jahrbuch" 24, 1978: 158-174.

⁴⁶ О первой встрече в Москве с В. Брюсовым и о его критике Ремизов упоминает в *Иверне*: 231-236; о своем первом опыте — многолистной тетради с текстом "Шурум-бурум" — посланном из тюрьмы Брюсову и уничтоженном из-за неблагожелательного отзыва поэта Ремизов пишет в дневнике от 28 марта 1957 г. (Н. Кодрянская, А. Ремизов: 318) и в предисловии к кн. *Встречи*: "... книга заваялась — годы ее держал Брюсов в "Скорпионе", пробовал я ее исправлять и много мучился, не зная, с какого конца, и кончил тем, что уничтожил в Одессе в апреле 1904 г." (с. 9).

⁴⁷ Елисеев и Соловьев — знаменитые по всей России гастрономические магазины.

⁴⁸ Об адвокате Владимире Анатольевиче Жданове, который дружил с Ремизовым в Вологде и выступал защитником на процессах эсеров-террористов см. Б. Савинков, *Воспоминания*. "Былое" 1918 кн. 29: 92 и кн. 30:13; а также *Иверень*: 250 и *На вечерней заре*. "Europa Orientalis" VI, 1987: 257.

⁴⁹ Во втором выпуске альманаха "Гриф" (Февраль 1904) Ремизов поместил три стихотворения в прозе: *Молитва*, *Последний час* и *Иван Купал* (с. 39-46).

⁵⁰ О литературных и личных взаимоотношениях Блока и Ремизова свидетельствуют переписка 1905-1920 гг. (ЛН 92/2: 63-128) и три статьи Ремизова "Из огненной России" ("Голос России", Берлин 8. 1. 1922, а затем под заглавием "К звездам" в кн. АХРУ. *Повесть Петербургская*.

Берлин-Пб.-Москва 1922: 7-27 и *Взвихренная Русь*: 501-515), "Десять лет" ("Последние новости", Париж 6. 8. 1931) и "По серебряным нитям (Лития)" ("Советский Патриот", Париж 9. 8. 1946). Все три очерки объединены в книге воспоминаний *Встречи*: 85-102 (см. также ЛН 92/2: 129-142).

⁵¹ Выставка старинных исторических портретов, организованная Дягилевым в 1905 г. в Таврическом дворце, была одной из двух последних выставок, устроенных им до его отъезда за границу: там фигурировали, наряду с русскими художниками, и все наиболее выдающиеся иностранные портретисты, работавшие в России с начала XVIII в. (Ср. V. Marcadet, *Le renouveau de l'art pictural russe*, Genève 1971: 114-116). "Выставка открылась — вспоминает Ремизов — в феврале 1905 года. Канун революции. Самое громкое имя: Каляев. Но и Каляев великокняжеской смертельной бомбой не заглушил имени Д я г и л е в. Со стен Потемкинских хором глядят в последний раз хозяева Императорской России (1705-1905)" (*Встречи*: 153). О выставке см. также М. В. Добужинский, *Воспоминания*. М. 1987: 221-229, В. В. Розанов, *Выставка русских исторических портретов*. "Весы" 1905 № 6, и рецензию Н. Николаева. (Хроника искусства и литературы) в "Вопросах жизни" 1905 № 4-5.

⁵² Из произведений датского писателя Аггея Маделунга (1872-1949), переработанных Ремизовым в надежде издания, только рассказ "Цвет познания" вышел в 1905 г. в "Северных цветах ассирийских" (с. 130-133). "Сансара" была издана в 1976 г. в приложении в кн. *Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу*: 72-78.

⁵³ Тексты "Быбуля" и "Закливание ветра" вошли в сборнике *Чортов лог и Полунощное солнце* (СПб 1908 изд. EOS). "Полунощное солнце" — лирическая проза, составившая третью часть "В плену" — передает зрительные впечатления от смены времен года на севере (*Сочинения*. т. 2).

⁵⁴ В "Весех" "Пожар" не появился, и в 1906 вышел в № 4 "Золотого Руна"; позднее включен в 2-ой том *Сочинений* (СПб. 1910 Шиповник) и в сборник *3га. Волшебные рассказы* (Прага 1925).

⁵⁵ Татьяна Николаевна Гиппиус (1877-1957), художница, сестра З. Н. Гиппиус. С 1901 г. занималась станковой живописью, рисунком и графикой в Высшем художественном училище при Академии художеств. В 1910-е годы работала преподавательницей в частной школе и детском саду Шидловской и жила вместе с сестрой и с Д. Мережковским, находясь под воздействием их религиозно-философских построений. На протяжении

многих лет занималась книжной иллюстрацией. После революции не разделила судьбу Мережковских и осталась в Петрограде с сестрой Натальей. Сведения о последующей жизни скудны. В 1920-е годы участвовала в религиозно-философском кружке профессора А. А. Мейера. Перед Отечественной войной обе сестры жили в Новгороде; во время войны были отправлены в Германию, в концлагерь. После окончания войны они вернулись в Новгород, где работали художниками-реставраторами при Новгородском художественном музее. О ней см. "А. А. Блок. Письма к Т. Н. Гиппиус". Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова, *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 г.*, Л. 1980: 209-230.

⁵⁶ Отто Христианович Аусем (1875-1929), революционер, один из вологодских друзей Ремизова. После революции председатель Совета в Чите, член ревкома Сахалинской области, с 1924 консул СССР в Париже, затем в Милане. О нем в *Иверне*: "В Вологде жили-были два еркула: Отто Христианович Аусем из Дерпта и Павел Елисеевич Щёголев воронежский из Петербурга. Аусем по-гречески с бородой, а Щёголев — римлянин, морда бритая и подвита кудель, и оба с картинки: Аусем по-немецки, а Щёголев по своей фамилии. Аусем встретил меня бурно, по-товарищески, и сразу смял меня своим величием. Это было действительно "еркул", со всем добродушием великана и сердечной пощадой к мелкому человеческому роду. Ему никак не по душе моя угнетенность. (...) И потом еще через сто лет я его встречу в Париже, он уже советский консул и ничего от дерптского и рыжего коня, и теперь мне не понравилась его угнетенность, но у меня не выконивалось его развлечь. Так и простились: Аусем вскоре помер" (с. 201-202).

⁵⁷ Ремизов не раз отмечал в кн. *Кухня* доброжелательность Розанова к себе и вообще к людям: "Теплота в сердце, тревога за человека, а отсюда и внимательность к людям — это редкий дар человека. И этот дар был у Розанова (с. 47)... Я это и потом заметил, что Розанов подходит прямо к человеку — к тебе, прямо смотрит на тебя, и никогда не замечая глаз, а только или грудь, или нижний этаж, или руку, принимает в тебе всего тебя до ---- канатика. И это страшно располагало отвечать также прямо и доверчиво безо всяких, это отбрасывало всякие перегородки, всякие условности, изобретенные людьми злыми или очутившимися в злом подозрительном мире" (с. 13-14). О нем см. "Выхожу один я на дорогу" и "Воистину" в кн. *Встречи*:105-112. О Варварой

Дмитриевной Рудневой Розановой см. также З. Гиппиус, *Живые лица*, Прага 1925: 9-92.

⁵⁸ В 1899-1907 гг. Сологуб (псевд. Федора Кузьмича Тетерникова, 1863-1927) служил в петербургском Андреевском городском четырехклассном училище в должности учителя-инспектора. О его личности пишет и Г. Чулков: "Сологуб был важен, беседу вел внятно и мерно, чуть-чуть улыбаясь. О житейском он почти никогда не говорил. Я никогда от него не слышал ни одного слова об его училище, об учениках, об его службе. Учителем он был, несомненно, прекрасным. Он любил точность и ясность и умел излагать свои мысли с убедительностью математической. Чем фантастичнее и загадочнее была его внутренняя жизнь, тем логичнее и строже он мыслил" (*Годы странствий*: 147).

⁵⁹ Об отношениях Ремизова к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал см. *На вечерней заре*. "Еуропа Orientalis" VI, 1987: 241-310.

⁶⁰ Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский (1853-1920), известный историк культуры, языковед и санскритолог. Почетный член Петербургской Академии наук с 1907 г.

⁶¹ О жене Бердяева, Лидии Юдифовне Рапп (1887-1945) см. "Письма молодого Бердяева". Публ. Д. Барас, *Память* 4, Париж 1981: 220-245; Н. Бердяев, *Самопознание*: 147; А. М. Ремизов, *На вечерней заре*. "Еуропа Orientalis" VI, 1987: 265-310.

⁶² Написанная в 1906 г. пьеса *Бесовское действие* шла в 1907 г. в театре В. Ф. Комиссаржевской (преьера — 4 дек. 1907). Музыка М. А. Кузмина, постановка В. Ф. Комиссаржевской, декорации М. В. Добужинского. О пьесе Ремизов пишет в кн. *Пляшущий Демон*: "ясной мысли, чего мы хотим от театра, у нас не было, ясно было, что современный театр не театр, и что реализм — разрушение театра. Без всяких рассуждений у Блока вышел "Балаганчик", у меня "Бесовское действие", это было так не похоже на все, что тогда называли театром" (с. 37) ... "Действо" принято было, как безобразие, оригинальничанье и издевательство над зрителем..." (с. 53). О новаторстве мистерии Ремизова см. В. Э. Мейерхольд, *Статьи. Письма. Речи. Беседы*, Москва 1968: I, 209. О своих театральных опытах Ремизов пишет в автобиографической заметке, сохранившейся среди редакционных материалов ж. "Новая Русская Книга": "Эти три действа *Бесовское три действо* надо рассматривать неразрывно, как одно большое действо: *Бесовское действо* — начало хаотическое (бесы неорганизованы — хвосты, рога,

хоботы), *Трагедия о Иуде* — начало человеческое (бесы только замаскированы), *Егорий Храбрый* — начало хоровое (бесы организованы)" (*Русский Берлин 1921-1923*. Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюза и О. Раевской-Хьюз, Paris 1983: 178).

⁶³ Леонид Дмитриевич Семенов (1880-1917), поэт-символист и прозаик, внук известного ученого П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Товарищ Блока по университету. Сотрудник "Нового Пути". В 1906 г. оставил литературную деятельность и "ушел в народ". За антиправительственную агитацию был дважды арестован и затем сдан в солдаты. Убит бандитами в деревне Гремячке на Украине. Особую главу в биографии Семенова образуют его личные отношения с Л. Н. Толстым. См. "Л. Д. Семенов-Тянь-Шанский и его *Записки*". Публ. З. Г. Минц и Э. Шубина, *Ученые записки Тартуского гос. ун-та*, 414, Тарту 1977: 102-146; Г. Чулков, *Годы странствий*: 175-177; А. Ремизов, *Кукха*: 23, 47. О нем см. в дневнике С. П. Ремизовой от 16 ноября 1916 г. запись Ремизова: "Квартира на Васильевском Острове <где Ремизовы жили> в дом Д<митрия> П<етрови>ча Семенова-Тяньшанского, сына знаменитого географа ... Сыновья Д. П. — Леонид Семенов, погибший тогда в Ряз. губ., последователь Добролюбова, "странник", Михаил — писал тоже стихи, и Александр — потом он жил в Париже.<...> Леонида Семенова я знал в двух видах, я назвал его "оленем", такой он был гордый, однажды мы на одном вечере участвовали (у Врасских). За его гордость и какую-то шикарность мне он не понравился, а лицо замечательное, да мундир с голубым воротником, что-то от 20-х годов. Его стихи издал в "Содружестве", где выступили книгами С. К. Маковский, Рафалович. Он появлялся в ред. "Вопросы Жизни", на меня смотрел свысока. Потом он был в Ясной Поляне, Толстой его встретил очень приветливо, да я понимаю, это не какая-нибудь сиволапая из литературных тогдашних светил, аристократ, культурный, он был с Блоком на филологическом. К его рассказу Толстой написал вступление что такое, что "учить ничему не научишь" <...> Потом он пошел на Урал к Добролюбову и странствовал. А убит в революции уже теперь крестьянами и в их имении Ряз. губ." (Кн. V, л. 6-8). О нем см. также "Письма Н. А. Клюева к Блоку". Публ. К. М. Азадовского. ЛН 92/4: 427-523.

⁶⁴ Личность Александра Михайловича Добролюбова (1876-1944?), поэта и легендарного декадента, отшельника и сектанта, привлекала к себе внимание многих современников (Толстого, Мережковского, Блока, Брю-

сова, Гиппиус, Клюева). Он был основателем религиозной секты "добролюбовцев", стремившейся соединить морализм толстовства с буддийской мистикой. Автор книг *Natura naturans. Natura naturata* (1895), *Собрание стихов* (1900) под ред. И. Коневского и В. Брюсова, *Из книги невидимой* (1905). О нем см. К. М. Азадовский, "Путь Александра Добролюбова", Блоковский сборник III, Тарту 1979: 121-146; Joan Delaney Grossman, "Aleksandr Dobroljubov: The making of a decadence" в кн. А. Добролюбов, *Сочинения*, Berkeley 1981: I, 7-18. Личности наивного поэта и чудака посвящена статья З. Гиппиус, "Критика любви" в кн. *Литературный дневник*: 43-63. Духовный путь Добролюбова от индивидуализма к неонародничеству и религии, его неоромантические "жизнетворческие" устремления вызвали у отдельных символистов намерение подражать его "уходу": вслед за ним Л. Семенов порвал с "культурой" и ушел в народ. В первое десятилетие XX века тема "ухода" мучила Брюсова, Блока, Белого (ср. *Начало века*, Москва 1933: 302-303) и особенно Льва Толстого, сурово осудившего еще в 80-е гг. свое художественное творчество и тяжело страдавшего от несоответствия между своими убеждениями и образом жизни.

⁶⁵ Сестра — вероятно, Анна Ивановна Ходасевич (урожд. Чулкова, в первом браке Гренцион, 1887-1964). Вторая сестра Чулкова — Любовь Ивановна Рыбакова (1882-1973).

⁶⁶ Евгений Евгеньевич Лансере (Lanserau, 1875-1946), известный график и живописец, член "Мира искусства". О нем см. О. Подобедова, *Евгений Евгеньевич Лансере. 1875-1946*. М. 1961.

⁶⁷ В *розовом блеске* (с. 385-419) Ремизов составляет из документов и старых писем историю старинного гетманского рода Довгелло.

⁶⁸ Вальтер Федорович Нувель (1872-1949), чиновник особых поручений Министерства императорского двора. Один из членов-учредителей общества и журнала "Мира Искусства", близкий друг Дягилева и философа; организатор музыкальных вечеров в Петербурге.

⁶⁹ В ссылке Ремизов выдумал тайное общество — "клуб свободных алкоголиков" — в которое зачислил своих вологодских друзей. Это был прообраз будущего "Обезвельволпала" (ср. "Неизданный Мерлог". *Минувшее* 1987, 3: 228). Об "Обезвельволпале" см Кукха: 38-40; АХРУ: 49-51 и *Взвихренная Русь*: 272-274 (куда включены "конституция" и "манифест"); *Пляшущий Демон*: 56-59 (где деятельность Обезвельволпала соединена с пристрастием к театру Ремизова); *Встречи*: 154-155, 188-

189. "Палата объединяла всех нездравомыслящих, освобождая от всяких обстоятельств — изобретение хитрой бестией, человеком, прикрывавшим свое ничтожество подлой, судя по себе, справедливостью". Ряд документов "Обезвельволпала" хранится в архиве Ремизова в Пушкинском Доме. Ср. С. С. Гречишкин, "Архив А. М. Ремизова": 32-34; С. С. Гречишкин, "Царь Асыка в Обезьяньей Великой и Вольной палате Ремизова" "Studia Slavica" 26, 1980, 1-2.

⁷⁰ "Религиозно-философские собрания", открытые 27 ноября 1901 г. в Петербурге, соединили представителей Православной Церкви (епископ Сергей, ректор Петербургской духовной академии) и новой, философской "богоискательной" литературы (Мережковский, Розанов, В. С. Миролюбов, В. С. Тернавцев и др.). Их основная цель — "возрождение" на почве "истинного христианства" интеллигенции, переживающей "нравственный кризис" (В. Розанов, *Религиозно-философские собрания*, "Новое Время", 9 дек.). Протоколы заседаний напечатаны в "Новом Пути" 1903-1904 гг., а также отдельным изданием в 1906 г. "Собрания эти — пишет Бердяев в *Самопознании* — были замечательны как первая встреча представителей русской культуры и литературы, заболевшей религиозным беспокойством, с представителями традиционно-православной церковной иерархии. Председательствовал на этих собраниях нынешний митрополит Сергей" (с. 153). Отрицательную оценку их деятельности дали Толстой, Горький, Короленко, Чехов. О "Религиозно-философских собраниях" см. З. Гиппиус, *Живые лица*: II, 21-30 и Дмитрий Мережковский. Париж 1951; Г. Флоровский, *Пути русского богословия*. Париж 1937; Н. Зернов, *Русское религиозное возрождение XX века*. Париж 1974; J. Scherrer, *Die Petersburger Religiös-Philosophische Vereinigungen. Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901-1917)*, Berlin 1973.

⁷¹ О литературных вечерах у Сологуба см. В. Пяст, *Встречи*. М. 1929: 109-111; Г. Чулков, *Годы странствий*: 132-133, 146-147; Б. Зайцев. *В пути*. Париж 1951: 20; К. Эрберг (К. А. Сюннерберг), "Воспоминания". Публ. С. С. Гречишкин и А. В. Лавров, в кн. *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977*, Л. 1979: 138-146. Об атмосфере, царившей в квартире Сологуба, вспоминает В. Добужинский: "он жил в те годы на 7-ой линии Васильевского острова, на казенной квартире, в качестве инспектора городского училища и был "в миру" Тетерников (...) Федор Кузьмич в то время имел весьма патриархальный вид лысого деда с седой бородой,

что как раз не вязалось с изысканностью и греховностью его стихов и было, в сущности, его загадочной маской. После уютного чая с обильными бутербродами, который разливала гостям пожилая сестра Сологуба, худая и молчаливая Ольга Кузминишна, придававшая столовой сугубую чиновничью патриархальность, все перебирались в кабинет слушать чтение стихов. Часто читали Блок и Кузмин и сам хозяин своим глухим и бесстрастным голосом..." (*Воспоминания*: 275-276). Ольга Кузьминична Тетерникова (1865-1907), сестра писателя, проживавшая вместе с ним; акушерка. Она скончалась в Райволе от туберкулеза легких.

⁷² О скандальной рекламе *Пруда* ср. *Встречи*: 27.

⁷³ Речь идет о статье Волжского "Полемика. Обыденность трагедии", изданной в "Вопросах жизни" № 7 (с. 324-350).

⁷⁴ Речь идет о статье Голубева "Нечто о будущем земстве и его задачах", изданной в "Вопросах жизни" № 7 (с. 351-367).

⁷⁵ Марк Криницкий (псев. Михаил Владимирович Самыгин, 1874- 1952), писатель близкий к символизму. Сотрудник "Северных цветов", "Нового пути" и "Вопросов жизни".

⁷⁶ Евгений Германович Лундберг (1887-1956), писатель, переводчик и критик. В начале века был связан с "Христианским братством борьбы" (А. Белый, С. Булгаков, П. А. Флоренский, А. С. Петровский) — ядром будущего Московского религиозно-философского общества. С 1906-1907 г. входил в окружение Шестова (см. Е. К. Герцык, *Воспоминания*: 102-103). В 1910-е годы печатался в "Русских Ведомостях", "Речи" и "Русской мысли". В 1917-1918 входил в группу "Скифы". Летом 1920 г. эмигрировал в Берлин, где основал эсеровское издательство "Скифы" (см. "Русская Книга", № 1: 9); позднее возглавил первое советское издательство в Берлине "Бюро иностранной науки и техники", что привело его к разрыву со "Скифами". В Берлине Лундберг печатался в газетах "Новый мир" и "Накануне", выпустил книгу *Дневник писателя* (1922) и сборник статей *От вечного к преходящему* (1923). Вернулся в СССР, где выпустил в Госиздате книгу *Ленин и легенда* и в 1930 г. переиздал в расширенном виде *Записки писателя*, добавив к ним второй том о берлинском периоде. Арестован в феврале 1938 г., через три месяца выпущен на свободу. Позже писал преимущественно о литературах народов СССР. О его берлинском периоде см. *Русский Берлин 1921-1923*: 28-31, 58-59. О нем Ремизов пишет в *Кукхе*: "... ходит он, как птица. Так

птицей прошел весь юг России от Каспийского моря до Черного и все Балканские государства, вдоль и поперек. Приключения его самые невероятные. Только присутствие духа и находчивость спасали его от верной гибели" (с. 36).

⁷⁷ Мать Ремизова — Марья Александровна Найденова (ум. 1919). О горькой судьбе матери писатель не раз вспоминал в своих книгах: *В розовом блеске* (с. 304-308), *Подстриженными глазами* (Париж 1961: 60-61). О семье Ремизова см. также Н. Кодрянская, *А. Ремизов*: 67-77.

⁷⁸ После выхода декабрьской книжки 1905 г. "Вопросы жизни" прекратили свое существование.

⁷⁹ Куно Фишер (Kuno Fisher, 1824-1907), немецкий философ, последователь Гегеля, автор трудов по истории философии (*История современной философии*, 1860; *Критика Кантовской философии*, 1883). В те годы в издании Д. Е. Жуковского вышла "История новой философии" в 8-ми тт. в переводах Н. Полилова, Н. Лосского и Д. Жуковского.

⁸⁰ А. фон-Леклер (Anton Leclair), немецкий философ, один из видных представителей так наз. имманентной философии, автор книги *Beiträge zu einer monistischen Erkenntnistheorie* (1882), которая в переводе Ремизова вышла в 1904 г. в изд.-ве Д. Жуковского. См. рецензию И. Давыдова в "Вопросах жизни" 1905 № 7 с. 237-239. О переводах Ремизова см. Н. Кодрянская, *А. Ремизов*: 147-150.

⁸¹ Издание "Содружество" выпустило в свет в Петербурге в 1905 г. *Собрание стихотворений* Л. Семенова, *Собрание стихов* С. Маковского, сборник рассказов О. Дымова *Солнцеворот* и брошюру Л. Габриловича *Новейшие русские метафизики (идеализм П. Струве)*. К "Содружеству" примыкали также Ю. Озаровский, Н. Рерих, С. Рафалович, Л. Вилькина, А. Руманов. Осуществить сборник "Содружество" им не удалось (ср. "Переписка Г. И. Чулкова с Блоком", ЛН 92/4: 394-395).

⁸² Людмила Николаевна Вилькина (1873-1920), поэтесса символистского лагеря, жена поэта и философа Н. М. Минского, с которым перевела пьесы Метерлинка. Автор книги стихотворений "Мой сад" (Гриф, 1906). В "салоне" Минских на Английской набережной бывали как петербургские так и московские литераторы. С ней поддерживали личные связи Бальмонт, Мережковский, Соколов, Брюсов и др. См. "Письма В. Я. Брюсова к Л. Н. Вилькиной". Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова, в кн.

Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л. 1976: 128-135.

⁸³ Неприспособленность к жизни, робость и полную растерянность Ремизов скрывал иногда под маской шута, доверчивого дурака, усугубляя черты своего "первородного и греховного ничтожества". Об этом ср. А. Синявский, "Литературная маска Алексея Ремизова" в кн. *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer.* Ed. by Greta N. Slobin, Columbus 1986: 25-39; и заметка Белого в воспоминаниях *Между двух революций*: "А — тяжелое детство, — вечная нищета эта! Тень пережитого — в больном юродничанье; это — маска боли его" (с. 69).

⁸⁴ В июле 1905 г. Чулковы уехали в Финляндию в Райволу.

⁸⁵ "Колыбельная песня", подписанная "А. Ремизов (Молдаванов)" была издана в "Курьере" 24 ноября 1902 г., а в "Северном Крае" в 1902-1903 гг. были опубликованы "Беспокойные тучи, куда вы?..."; "Кутьи-войсы", "Музыка", "Плач девушки перед замужеством", "По весне северной" и "Влага" (ср. H. Lampl, *Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A. M. Remizovs.* "Wiener Slavistischer Almanach" 1978, Band 2: 301-326). В "Вопросах жизни" 1905 № 7 колыбельная "Засни, моя деточка милая" появилась под заглавием "Стихи" подписью А. Р.

⁸⁶ В июльском номере "Вопросы жизни" напечатали и статью Чулкова "О мистическом анархизме" (с. 199-204) и рецензию Ремизова о Шестове.

⁸⁷ Владимир Владимирович Перемиловский (1880- ?), сотрудник "Весов" и "Мира Искусства", посетитель собраний при "Вопросам жизни" (Кукха: 26), переводчик польских писателей (Ст. Жеромского, Я. Леманьского и др.), эмигрировал в Чехословакию и стал преподавателем латинского языка в Моравской Тшебове, где устроил в 1933 г. выставку рисунков Ремизова в здешней гимназии. См. статью Ремизова, "Выставка рисунков писателей" в кн. "Неизданный Мерлог". *Минувшее* 1987, 3: 207-208 и "Письма А. М. Ремизова к В. В. Перемиловскому". Подготовка текста Т. С. Царьковой., вступительная статья и примечания А. М. Грачевой. "Русская литература" 1990, 2: 197-235.

⁸⁸ С августа 1905 г. редакция "Вопросов жизни" переселилась на Седьмую Рождественскую д. 7.

⁸⁹ Ремизов неточно цитирует отчество "молодого студента". Николай Николаевич Ге (1857-1940), сын художника Н. Н. Ге (1831-1894), последователь взглядов Л. Толстого и автор брошюры "I miei rapporti con

Tolstoj e la sua famiglia" (Firenze 1936), не мог быть тогда "молодым студентом". Молодой студент, "Кика", был Николай Петрович (1884-1919), внук художника и сын художественного критика Петра Николаевича Ге (1859-1923). Николай Петрович — искусствовед, сотрудник "Мира искусства" и постоянный посетитель по вторникам собраний "мирискусников" в квартире Дягилева на Фонтанке. См. А. Бенуа, *Мои воспоминания в пяти книгах*. М. 1980: IV, 285; М. В. Добужинский, *Воспоминания*: "он тогда был студент, совсем почти мальчик, широкоплечий, с гордо поставленной головой и горбоносый, и поражал особенным умением вести споры на самые хитрые философские темы. Я помню его высокий фальцет и его ловкие реплики, показывавшие глубокие его знания и начитанность, и как все с интересом слушали этого настоящего вундеркинда. Он скоро умер и лишь мелькнул в нашей среде" (с. 204).

⁹⁰ Речь идет о стихотворениях Вячеслава Иванова, которые "Вопросы жизни" напечатали в восьмом номере 1905 г.: 1. Знаменья; 2. Бессоница; 3. В лепоту облечеса; 4. Рассвет; 5. Утро; 6. Весенняя оттепель; 7. Ливень; 8. Осень; 9. Мэон; 10. Аттика и Галилея (посвященное З. Н. Гиппиус).

⁹¹ Сергей Михайлович (1875-1920), младший и любимый брат писателя; Николай Михайлович (1874- не ранее 30-х гг.), старший брат, адвокат. О них см. Н. Кодрянская, А. Ремизов: 73-75 и *На вечерней заре*. "Еуропа Orientalis" IV, 1985:169.

⁹² 9 июля большевистские комитеты отмечали "полугодовщину январских событий". В Петербурге эта дата была ознаменована однодневной забастовкой на большинстве заводов и фабрик (ср. *Русская литература конца XIX- начала XX в. 1901-1907*. М. 1971: 458).

⁹³ "В секретной" был издан в еженедельнике "Наша жизнь" 1905 № 26, а затем в кн. *Чортов лог и Полунощное солнце* и в переработанном виде в 2-ом томе *Сочинений*.

⁹⁴ Речь идет о романе Сологуба "Мелкий бес", который "Вопросы жизни" начали издавать в июне того же года.

⁹⁵ В Книгах записей С. П. Ремизовой-Довгелло Ремизов упоминает первое знакомство с Владимиром Давидовичем Бурлюком и с его сестрой, художницей Л. Д. Кузнецовой-Бурлюк (1886-1968): "Херсон — Знакомство с Бурлюками. Снимали у них комнату... " (кн. III, л. 44) и пребывание С. П. в Чернянке: "С. П. жила у Бурлюков. Д<авид> Ф<едорович> Бурлюк был

управляющим имением Мордвиновых. Какие яблоки! Потом Бурлючка Людмила Давыдовна (Кузнецова) нам присылала в Петербург..." (кн. III, л. 44). О дружеских отношениях С. П. и Л. Д. свидетельствуют многочисленные отклики в дневнике С. П. 1916-1917 гг. (кн. V). К записи С. П. от 1 января 1916 г. Ремизов прибавляет характеристику "Бурлючки": "Л. Д. Бурлюк-Кузнецова исключительно богатая натура и чистая, как сама земля. Эта "земля" и повлеклась к "небу" С. П. Сначала, я помню, она не понравилась С. П.: в Херсоне, где мы познакомились, она в диком состоянии роста и безгласная, а когда приехала в Петербург и поступила в Академию, тут на нее навалила вся накипь с окружавших людей, перед ней это были мошки и козявки, но с чрезвычайном само-мнением, что свойственно таким козявкам (...) Это С. П. и оттолкнуло. Но вскоре по своему природному богатству Л. Д. освободилась от этой, она как-то нутром поняла и нашла себе место около С. П." (кн. V, л. 1). О жизни Ремизовых в Херсоне и о семье Бурлюков ср. Д. Бурлюк. *Воспоминания отца русского футуризма*. Публ. Е. Чижова и Д. Ксенина. *Минувшее*. Париж 1988, 5: 7-53.

⁹⁶ Гимназист Коля — это будущий художник, поэт и член кружка "Гилея", Николай Давидович Бурлюк (1890-1920), младший брат живописца Владимира Давидовича (1885-1917) и поэта, теорика футуризма Давида Давидовича (1882-1967). Как вспоминает Ремизов в *Кукхе*, "Серафима Павловна всегда считалась ученицей Д. Д. Бурлюка. С Бурлюками знакомство у нас старинное: мы жили с ними под одним кровом" (с. 77). Впервые Ремизов выставил свои рисунки "у Бурлюков" на выставке "Треугольник", организованной Н. Кульбиным в 1910 в Петербурге, и в 1915 сотрудничал в футуристическом сборнике "Стрелец", где были опубликованы и два рисунка Д. Бурлюка (См. "Неизданный Мерлог". *Минувшее* 1987, 3: 210).

⁹⁷ В те годы Серафима Павловна преподавала в гимназии Минцлова (ср. *Встречи*: 48).

⁹⁸ Материалы, которые были предназначены для 2 части книги *Подстриженными глазами*, вошли в текст "Петербургского буерака", изданного в Париже под заглавием *Встречи*, в последнюю часть книги *В розовом блеске*. ("Сквозь огонь скорбей") и в *Учитель музыки*. Рассказы "Тотеш" (под заглавием "Восточный гость") и "Гюнтер" (под заглавием "Вечный гость") были опубликованы в "Новом Русском слове" (Нью-Йорк 1952 № 14792 и 14799), а затем вошли в главу "Наши гости" в кн.

Встречи (с.193-202) О монтаже ремизовских текстов см. А. д'Амелия, "К истории создания Учителя музыки" в кн. *Учитель музыки*. Париж 1983: 552-567.

⁹⁹ Владимир Николаевич Ивойлов (1883-1942, псевд. Княжнин), поэт, литературовед.

¹⁰⁰ О костюмированном вечере у Сологуба вспоминает З. Гиппиус в *Живых лицах*: "Небольшая зала изящно отделанного особняка в переулке близ Невского. Розово-рыжие панно на стенах. Много электричества. Есть забавные костюмы. Смех, танцы (...) В открытые двери виден длинный стол, сервированный к ужину. Цветы (...) А хозяин — Сологуб. Он теперь похож на старого римлянина: совсем лысый, гладко выбритый. В черном сюртуке, попрежнему не суетливый и спокойный, любезный с гостями. Он много принимает. Новый литературный Петербург, пережив неудачную революцию, шумит и веселится, как никогда" (II, 107-108). Об одном из маскарардов, в котором Ремизов появился с объезьяньим хвостом вспоминает Г. Чулков в кн. *Годы странствий*: 161.

¹⁰¹ "Золотое Руно" — литературно-художественный журнал, издававший в Москве с января 1906 по 1909 г. Н. П. Рябушинским; к его созданию были привлечены лидер "грифовой" группы С. Соколов и Н. Я. Тароватый. В состав редакции входили В. Д. Милиоти (художественный отдел), А. А. Курсинский (литературный отдел), А. Н. Корещенко (музыкальный отдел), Г. Э. Тастевен (секретарь). В журнале принимали активное участие Блок, Брюсов, Белый, Городецкий. Иванов, Мережковский, Сологуб, Ходасевич и др. Парад крупных литературных имен сопровождался галлерей портретов, написанных по заказу журнала лучшими художниками: так родились известные портреты Брюсова работы М. Врубеля (1906 № 7-8-9), Белого работы Л. Бакста (1907 № 1), В. Иванова работы К. Сомова (1907 № 3), Ремизова (1907 № 7-8-9) и Сологуба (1907 № 11-12) работы Б. Кустодиева. О журнале см. А. Лавров, "Золотое Руно" в кн. *Русская литература и журналистика начала XX века. 1905-1917*, М. 1984: 137-173. В "Золотом Руно" Ремизов опубликовал ряд миниатюр из книги *Посохонь* (см. Н. Sinany, *Alexis Remizov. Bibliographie*, Paris 1978: 119).

¹⁰² Николай Павлович Рябушинский (1876-1951), миллионер и щедрый меценат, редактор-издатель "Золотого Руна", где помещал и свои дилетанские опыты в искусстве и литературе. О нем см. Кукха: 33-34 и А. Белый, *Между двух революций*: 72-73.

¹⁰³ Сергей Алексеевич Соколов (наст. имя Сергей Кречетов, 1879-1936), московский адвокат, журналист и поэт. В 1900-х гг. участник символистского движения, руководитель издательства "Гриф" и редактор одноименных альманахов, выходивших в Москве в 1903-1905 и 1914 гг. Редактор ежемесячного журнала "Искусство", выходившего в Петербурге в 1904-1905 гг. и сотрудник "Золотого Руна" (1906). Затем редактор "Перевала" (1906-1907). Представитель Московского лит.-худож. кружка. Автор сборников стихов "Алая книга" (1907) и "Летучий голландец" (1910). В 1919 г. работал в литературно-политическом пресс-бюро Добровольческой армии; вместе с А. М. Дроздовым и А. Ветлугиным сотрудничал в газете "Жизнь", выходившей в Ростове-на-Дону. После революции эмигрировал в Париж, а в 1922 г. переехал в Берлин, где руководил "русским национальным издательством" "Медный всадник". Об его издательской деятельности см. А. Лавров, "Золотое Руно". "Перевал" в кн. *Русская литература и журналистика начала XX века. 1905-1917*: 137-173, 174-191. О его работе в "Гриффе" см. "Переписка Блока с С. А. Соколовым". ЛН 92/1: 527-551; "Воспоминания Нины Петровской". Публ. Э. Гаретто. *Минувшее*, 8, Париж 1989: 18-35. О жизни и деятельности в Берлине см. *Русский Берлин*: 223-229. Ремизов активно участвовал в всех предприятиях Соколова и был с ним в хороших отношениях.

¹⁰⁴ Елена Ремизова, дочь Сергея, внучка писателя.

¹⁰⁵ Романс С. И. Донаурова (1838-1897), поэт, переводчика и композитора-любителя на слова А. Н. Апухтина.

¹⁰⁶ Alexandre Mercereau (псевд. - Eshmer Valdor) — французский поэт и критик, один из второстепенных участников кружка "L'Abbaye". Некоторое время жил в России, где по предложению Н. П. Рябушинского, сотрудничал в "Золотом руне" в качестве переводчика и редактора французских текстов. Им переведены на французский язык тексты Блока, Вяч. Иванова, Бунина и Сологуба. Автор кн. *Les thuriboulums affaïssés* (1905) *Gens de là et d'ailleurs* (1907). Ремизов пишет о нем в кн. *Мышкина дудочка*: "По смешению языков не могу сказать, насколько звучно это имя в Париже, но на Москве оно звучит просто неприлично, вроде "засер-ряк". Добрый человек надумил, и в какую-нибудь неделю Мерсеро превратился в Эсмер Вальдора" (с. 190). Любопытные воспоминания о Мерсеро оставил Эренбург (*Люди, годы, жизнь*, кн. 1-2, М. 1961: 168-171. См. о нем также "Французские писатели — корреспонденты М.

А. Волошина". Публ. П. Р. Заборова, в кн. *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979*, Л. 1981: 256-257.

¹⁰⁷ О своем памятном выступлении с чтением *Пруда* Ремизов вспоминает и в статьях о Дягилеве (*Встречи*: 151-153).

¹⁰⁸ В 1906 г. З. Н. Гиппиус пыталась помочь Ремизову найти работу в Контроле. Ср. в ее письме к Серафиме Павловне от 8 октября 1906 г.: "... Алексей Михайлович не такой, он больше созерцатель, а вы деятель. Так вот что: прежде всего уговорите, умолите, настояте, чтоб А. М. взял место в Контроле. Принципиально согласился, но уже твердо (...) Если на этот кирпич ногу не поставит, то ведь как же дальше! Но раньше, чем он твердо не решится, Дмитрий Владимирович <Философов> не будет хлопотать" (Н. Lampl, *Zinaida Hippius an S. P. Remizova-Dovgello*: 165). О хлопотах Д. В. Философова Ремизов вспоминает в главе "Философов. Письмо родословное. 1793-1837" в неизданной 2-ой части "России в письменах": "Все мы знаем нашего Димитрия Владимировича Философова (1872-1940). Когда мы жили в Вологде, Д. В. Философов по письму моему — прошению от неведомого — присылал "Мир искусства". И все мы (П. Е. Щеголев, Б. В. Савинков), "сошедшие вкупе" на Желвунцовской в долгие вечера картинки рассматривали, поминая добрым словом Философова. И первый мой визит в Петербурге вольным человеком (1904 г.) был в Басков переулочек к Философову. Потом Философов не раз пристраивал меня в Государственный Контроль на службу — не выходило дело, все по моей оплошности. И многую еще во всяких делах житейских роль играл: и к доктору Н. Ф. Чичаеву водил меня в мою болезнь тяжкую, письма всякие писал за меня хлопотные по денежной части к людям, от которых зависело, а какие книги получал я от него в дар библиографические — сказки, сборники, хождения, какие на елку золотые яблоки и яйцо в Светлый день...".

¹⁰⁹ Аркадий Вениаминович Руманов (1878-1960), журналист и писатель, петербургский представитель газеты "Русское слово". Автор книги *Священник Г. С. Петров, член Государственной Думы. Биография и история ссылки в монастырь* (М. 1907). В воспоминаниях *Встречи* Ремизов описывает "прием у Руманова" (с. 47, 59-61).

¹¹⁰ Вера Степановна Гриневиц, приятельница Е. К. Герцык, несколько лет прожившая с ее семьей в Крыму. Сын ее убит чуть ли не на ее глазах во время Гражданской войны в их имении на Украине (ср. Примечания С. Поляковой в кн. С. Парнок, *Стихотворения*, Ann Arbor 1979: 339). В

воспоминаниях Евгении Рапп Вера Степановна упомянута как "одна из очень интересных и очень своеобразных женщин эпохи русского Ренессанса", чей дом был одним из культурных центров Москвы (Ср. Н. Бердяев, *Самопознание*: 211). Кратко упоминается о ней в *Кухне* (с. 50) и в *Книгах записей С. П. Ремизовой-Довгелло*: "Ольховый Рог. У Веры Степановны Гриневич. Вечерные прогулки в коляске" (III, л. 45).

¹¹¹ Мстислав Валерианович Добужинский (1875-1957), график и живописец, член "Мира искусства", театральный декоратор. В десятые годы иллюстрировал первые книги Ремизова: *Лимонарь*, *Пруд*, *Часы*, *Чортон лог* и *Полунощное солнце*. С Ремизовым сотрудничал и в театре В. Ф. Комиссаржевской над постановкой *Бесовского действия* (1907). См. его *Воспоминания* (Нью-Йорк 1976: 335-341; М. 1987: 229-232, 276-278) и отклик Ремизова в книге *Встречи* (с. 15). С 1925 г. в эмиграции. О нем в *Книгах записей С. П. Ремизовой-Довгелло* краткая запись Ремизова (кн. IV, л. 22).

¹¹² Сказка Ремизова *Морщинка* с 5 рисунками Добужинского вышла в Петербурге в 1907 г. в изд-ве Шиповник. "Общим у нас с Ремизовым (это и объединило нас очень искренне) была наша любовь к детскому миру, особенно к народным лубкам и игрушкам, и первая мной иллюстрированная книжка для детей была "Морщинка" Ремизова" (М. В. Добужинский, *Воспоминания*: 277).